

Георг Кюлевинд

СТУПЕНИ СОЗНАНИЯ

Медитации над границами души

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Предварительные замечания	3
II. Две ступени познания в "Философии Свободы" Р.Штайнера	4
III. Основное переживание духа	15
IV. Концентрация и созерцание	
V. Границы души	48
VI. О тайне восприятия	48
VII. Духовное участие современного человека	56
VIII. О смысле бытия	67
IX. Свет земли	75
X. Примечания	

Главы IV, V, VIII появлялись в качестве самостоятельных статей в журнале "Die Drei" /ежегодник/, №№ 42, 43.- Штуттгарт, 1972. 1973г.

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Наибольшую трудность для современного человека представляет заметить, видеть и преступать порог отраженного сознания. В первой главе данной работы автор пытается показать, как к этой мысли подводит "Философия Свободы" Рудольфа Штайнера. Размышление об этом пороге, лежащем между мышлением и тем, о чём мыслится, приводит экспериментирующего человека к "основному переживанию духа". В третьей главе сделана попытка развить методику первых шагов в области концентрации и активного созерцания. Две последние главы подводят итог полученным результатам: как при рассмотрении и изучении границ души эти границы становятся преодолимыми и спекулятивно, и в конкретном действии. Форма изложения такова, что читатель, активно воспринимающий линии движения мыслей, непосредственно входит, включается в саму ткань этого движения.

II. ДВЕ СТУПЕНИ СОЗНАНИЯ В "ФИЛОСОФИИ СВОБОДЫ" Р. ШТАЙНЕРА

а/ Границы мышления

Для современного человека довольно легко перенести непосредственно в сферу опыта границы мысли, а также границы собственного сознания. Достаточно лишь спросить: **п о ч е м у** что - либо является очевидным, аксиоматичным? Откуда происходит эта аксиоматичность? Почему логическое - логично? Мышление не знает какого -нибудь ответа на эти вопросы, или точнее, оно должно при любой попытке ответить, предположить самому ответу то, что уже попросту содержится в самом вопросе. Соответственно, вопросы эти столь неприятны. Или же пытаются, как только возможно, увести вопрос от конкретной проблемы, вследствие чего непроизвольно вынуждены низвести мыслящее сознание в плоскость докритической наивности, в сферу неререфлектированного, лишённого всякой предметности процесса мышления. Из этой же проблемы вытекают и полупродуманные попытки схематизации и "упорядочивания" мышления, чтобы оно было "правильным" - причем не замечается, что это "упорядочивание" опять-таки происходит поередетвом мышления, создаётся, осознаётся и оценивается именно тем мышлением, которое пока ещё не "упорядочено". Очень часто не отдают себе отчета в том, что именно логика порождается, исходит из мышления, а не наоборот. **С п е р в а** уже мыслят логически, **п о т о м** лишь создают или осознают Логiku как описательную, не нормативную науку. Здесь опять-таки берется логическое мышление как предпосылка /I/.

Сведение к границе, определение может иметь место и по отношению к другим формам проявления Человеческого. Уже Витгенштайн установил, что "Язык" даёт реальные, действительные формы выражения лишь для простейших высказываний. /Собственно, он имел ввиду формы не языка, но мышления/. Легко показать, что простейшая фраза - типа: это есть стол - содержит элементы, которые, собственно, не поддаются точной оценке к осмыслению. В приведенном предложении ясно видно, что слово и понятие "есть" не подвергается точному толкованию и исследованию с точки зрения своего содержания, так как кто мог бы объяснить значение самого себя как бытия? Ребенок схватывает это понятие - как и все прочие - интуитивно - бессознательно, безошибочно употребляет его, то же сохраняется и во взрослом состоянии.

Также "необъяснимо" и понятие "это, здесь".

Для ясности по меньшей мере необходимо как сравнение понятие "там". Каждое из этих понятий, взятое само по себе отдельно в значении для себя — необъяснимо. Для понимания обоих необходимо интуитивное ощущение отношения "это-то", "здесь-там", причем, для этого ощущения следует ввести ограничение, что оно опять-таки не вводит заранее и не "делает понятным" рассматриваемые слова с помощью других представлений. Слово и понятие "стол" с первого взгляда кажутся нам общепонятными. Но если мы попытаемся их объяснить или строго дефинировать, то получим: в этом определении ускользает, остаются опущенными несущественные признаки, моменты /материал, количество ножек, форма и т.д./, сохраняются — горизонтальная поверхность, твердость, ограниченные размеры и высота. Но также легко представить, что и эти моменты, отнюдь, не являются несомненными. Можно ведь "столоваться" и на пивной бочке. Сейчас очень современно накрывать "на стол" прямо на полу, а во время прогулки и платок, расстеленный на склоне пригорка, может служить в качестве стола. Следовательно, абстрактный "стол" утрачивает и те свойства, которые считаются основными, важными. При подобной полной дематериализации и лишении конкретных определений и свойств данной формы остается ещё "функция", служебное назначение стола. Но в чем же она состоит? Употребляется ли стол для еды, письма, игры в карты или шахматы — все это и проч. не может быть строго дефинировано или дано в каких-либо точных понятиях. Вновь остается лишь интуиция: каждый при всем том "знает", что собственно такое, при любых обстоятельствах, "стол", или что служит в качестве стола.

Далее следует сделать лишь один шаг, чтобы осознать, проникнуться тем, что определение "значения" отдельных слов рациональным путём, не прибегая на помощь интуитивные способности, попросту не представляется возможным. Это особенно хорошо можно объяснить на примере понятий, не происходящих из мира ощущений. Экономическое понятие "работа", "труд" весьма спорно и может быть объяснено лишь если обратиться к помощи дополнительных понятий. Если попытаться рассмотреть подобным образом и эти понятия, то соответственно и их опять-таки придётся объяснять по уже определенной традиции, что необходимо ввести ещё дополнительные понятия, и, очевидно, что подобная попытка выливается в уже неуправляемое расхождение толкований. Под конец, остается лишь уверенность в том, что э т о всё равно "само собой разумеется", что и делает возможным общение, коммуникацию.

Из немногих, вышеприведенных примеров ясно, что парадоксальная ситуация с широко употребляемыми, но неясными в плане своего происхождения понятиями, происходит из того, что сознание всегда "сопереживает", вживается, лишь, в Уже-Продуманное, сам процесс мышления протекает до конкретно мыслимого, до предметного акта мышления, до его содержания, и этот процесс — е т а н о в л е н и е актуального содержания — в соответствии с этим выносится как бы перед самым сознанием, становится "досознательным". Без указанного ставшего конкретно мыслимого, представляемого, нет обычного сознания. Создать некое "пустое" сознание в обычных условиях невозможно. При этой попытке мы впадаем в некоторое подобие грёз или сна.

б/ Мышление о мышлении

Первая половина "Философии Свободы" Рудольфа Штайнера посвящена той ступени сознания, которая может быть охарактеризована тем, что на ней все многообразие содержания сознания дано в опытном наблюдении, причём, наиболее превосходным образом, в этой области сознания можно наблюдать сами предметы мысли, точнее выразиться, само мыслимое. В первых семи главах указанной работы под "мышлением" понимается не сам процесс, а представляющий в сознании, переходящий в непосредственный акт сознания результат этого процесса, как это обычно подразумевается в простом обиходном языке. Это особенно становится ясным в тех местах, где Штайнер говорит о созерцании мысли: "Я нахожусь как раз в таком положении, что допускаю, будто наличествует некое исключительное состояние и я сам задумываюсь, осмысливаю феномен своего собственного мышления. Я никогда не могу непосредственно созерцать свое сейчас-наличное мышление, я могу сделать объектом своей мысли лишь опытные исследования, проводимые в отношении моего процесса мышления уже после самого этого процесса, при имеющемся готовом результате. Я как бы должен разделить себя на две личности, когда захотел бы созерцать свое сейчас-наличное мышление: на одну — что мыслит, и другую, которая во время этого мышления активно наблюдает сама себя. Но этого я сделать не могу. Все это я могу произвести лишь двумя отдельными актами. Мышление, которое должно быть созерцаемо, никогда не является актуальным, не находится в действии, а представляет собой нечто иное" /3/. "Две вещи не уживаются друг с другом: действительный творческий подход и по-ту-сторону стоящая предметность, доступная

оозерцанию"/4/.

Интуитивный характер выявления мыслимого в его предметности ясно предостает для нас в следующих высказываниях. "Что есть Понятие, не может быть высказано словами. Слова лишь могут обратить внимание человека на то, что он использует понятия"/5/."В противоположность содержанию восприятия, которое дано нам извне, содержание мышления появляется, высвечивает из глубин, изнутри нашего "Я". Форму, в которой это содержание выступает, вначале, мы определяем как И н т у и ц и ю. По отношению к мысли как таковой она является тем же, чем наблюдение по отношению к восприятию/6/.

"Форма, вид и способ, как мы "образуем" понятия, называются здесь интуицией. Мы не "переживаем" эти "образы", "картины" поначалу, а только конкретные результаты, плоды интуиции, поскольку мы неспособны переживать Духовную Наличность. Сейчас Духа в образах понятий, мы переживаем только то, что есть фиксированный момент настоящего. Сейчас теряется в текучести времени/7/. Что значит: снятость, погруженность в Прошедшее, состояние Снятия, готовое, уже "произведенное" Понятие. Попытайтесь поймать, фиксировать Настоящее-сейчас! - но оно уже ушло.

"Человек воспринимает, когда он мыслит, соответственно, лишь последние фазы своей мыслительной деятельности, своего мыслительного переживания"/8/. За цитируемым положением следует обстоятельное описание различных фаз процесса мышления. Подобные утверждения в связи с рассмотрением Восприятия приводятся как пример в отношении первой медитации в брошюре "Путь к самопознанию Человека"/9/.

Возможности оозерцать мыслимую мысль, или думать о "номысленном" не существовало до эпохи Сознющей Души. Наивно-рассудочная Душа, однако, самым пронизательнейшим образом употребляла мышление, но оно при этом всегда было лишь служанкой какого-либо иного принципа, начала, сегодня - служанка техники, живота, не будем упоминать всего остального, все это одновременно служанка всего телесного. Мыслить о мышлении начинают в схоластике, это прелюдия к Сознющей Душе. Типичным для проявления оознющей Души является декартовское "Я мыслю, следовательно существую", при всей недостаточности данного высказывания. Здесь наглядно выступает способность чистого, свободного от восприятия, абстрактного мышления, которое и делает возможной эту рефлексию для Мышления как такового.

Однако, в связи с этим выступают и все сомнения относительно мышления, познавательного процесса, наступает эпоха теорий познания. Познание уже не воспринимается и не принимается наивно. Оно стано-

вится предметом размышления, изучения. А так как все это производится с применением тех же познавательных приёмов и сил, которые также действуют и в самом Познании, теоретико-гносеологические искания приходят очень скоро к противоречащему самому себе Агностицизму, и после этого подобные искания быстро оставляются. Мышление осознаёт — если ещё изначально не очевидно для самого мыслящего, — что каждое высказывание мышления о себе самом не может иметь какого-либо иного смысла и ценности, чем любое другое высказывание. Мышление "видит" себя не во время самого своего процесса протекания, а уже после него, после того, как все уже помысленно, следовательно, сфера мышления, познания не претерпевает изменений вследствие того, что мышление мыслит о свершившемся акте — процессе Мысли. Исключения составляют здесь два философа — Гегель и Джентиле. Оба обладали интуицией хода процесса, протекания Мысли и ставили этот момент в центр своих исследований, однако, они в действительности не и с п ы т а л и этого протекания и не могли дать введения в подобный о п ы т. За эту проблему и взялся Рудольф Штайнер как за дело всей своей жизни.

е/ Требование: опытно пережить мыслительный процесс

Чтобы нам прийти к позитивной, не приносящей разочарования теории познания, возникает, на основании выше приведенных замечаний, необходимость сам процесс мышления перенести в область конкретного опытного исследования. Вполне понятно, что здесь нет места какому-либо спекулятивному воззрению, дальнейшему статизированному предметному "Размышлению", должно быть собственное личное проникновение в предмет, новый способ действия.

Собственно к этой необходимости должна прийти каждая наука, особенно, естественные науки. Мы же совершаем все, также и каждое научное исследование посредством мышления. Но мы ничего не знаем о сущности этого мышления. Разве было бы ненужно, неуместно познать тот инструмент, с помощью которого мы создаем всё, в том числе и технику? Что часто стоит на пути этого стремления в качестве неосознанного препятствия, это то обстоятельство, что именно при этом начинании необходимо выработать новую способность, нечто вроде способности художественного творчества, деятельности, выражающейся в конкретном деянии, в непосредственном оперировании с предметным материалом, а не в чтении, размышлении и научном обобщении. Кроме данных положений в самой деятельности Рудольфа Штай-

нера мы вряд ли найдём какое-либо введение /в педагогическом смысле/ к подобному образу действительности. Эта работа, однако не легка для осознания и восприятия сегодняшнего человека и коренится лишь в особом способе рассмотрения предмета и целеполагания.

Свобода человека тесно связана, находит свое определенное выражение в Сознательной Душе. Это проявляется, к примеру, в том, что человек вообще получает здесь возможность поставить вопрос, что есть свобода. Это было бы для него невозможно, будь он совершенно не свободен. Он никогда не смог бы осознать, воспринять понятие свободы, даже в той полусознанной смутной форме, как это обычно происходит, опираясь на никакую инстанцию, никакую сферу его сущности не фиксирует сам факт несвободы. Для определения свободы необходимыми как фиксация, узрение несвободы, так и узрение свободы. Человек должен вкушать и то, и другое.

Возможность свободы дана в Сознательной Душе в том, что она может созерцать собственный уже свершившийся процесс мысли. Эта "пройденность" не оказывает непосредственного принуждающего воздействия на "Я", это мертвый мир, бессильный, теневой, и именно поэтому созерцаемый. То сущее, что является в нашем "Я" созерцаемым в с е г - д а - сейчас, но оно выливается, проявляется в Сознании всегда и о с л е, в следующее мгновение, всегда как прошлое.

Для того, чтобы из возможности свободы развить её действительность, необходимо, чтобы созерцающая Промежуточная инстанция, восприняла, охватила и осознала опытным путём сама себя в Настоящем.

Кроме этого образа действий ни один субъект, могущий быть свободным, не является "находящимся - в - настоящем". Лишь Сознание Настоящего может быть свободным. Наше обычное, обыденное понятие "Я" на деле лишь воспоминание, тень, уже Помышленное: воспоминание интуитивное. Соответственно следует ожидать, что во второй половине "Философии Свободы" опирается на то, посредством которого Созерцание из противостояния, внеположности предмету мышления переходит в опыт, в переживание мышления в его "сейчас", в Настоящее. Необходимо указать на живое мышление и на его опыт. Живое мышление есть пред-процесс и сверхчувственная сила, из которой появляется мыслимое. Что мы обычно именуем мышлением, есть, собственно, проявление, явление мыслимого, непосредственно акт мысли, где это мыслимое выступает как свое имманентное содержание: как если бы текущая вода во время своего движения превращалась в лёд и мы отмечаем лишь растущее количество кристаллов льда, т.е. конкретные, актуальные мысли. Из вышеизложенных высказываний ясно, что живое мышление не

может быть испытано, пережито, воспринято с помощью обычного сознания, которое коренится лишь в налично-данном, оставшем мысленном. Оно, в противоположность обычному сознанию, **д о с о з н а т е л ь н о**.

д/ Переживание мыслительного акта

Действительно, в приложении к восьмой главе и в начале девятой главы "Философии Свободы" дается обстоятельная смылка на этот опыт, переживание. Сначала описывается статичное, мертвое мышление, после этого - живое мышление и опытное, восприятие последнего. Мы приводим эти фразы /в скобках даны примечания автора данной работы, места курсивом выделены в цитируемом тексте в самом оригинале/:

"Трудность созерцательно постичь мышление в его сущности заключается в том, что когда созерцающая душа хочет на эту сущность направить свое внимание, она уже легко ускользнула от неё. Соответственно на её долю остаётся лишь мертвая абстракция, безжизненные останки живого мышления. /Вновь упоминается трудность опытно испытать мышление в моменте настоящего, однако, это не определяется как полностью невозможное, подобно цитате из третьей главы/. Когда видят лишь эту абстракцию, то легко обнаруживают, что в противоположность этой абстрактной пустоте сами вынуждены вступить в "наемщенный жизнь" момент мистики чувств, или в область метафизики воли. Находят странним, если кто-либо хочет в "пустом мышлении" осознать, охватить сущность действительности. Но кто направил себя к тому, чтобы воплотить обрести **ж и з н ь в м ы ш л е н и и**, приходит к воззрению, что с внутренним богатством этой обретенной жизни и её покоящимся в себе, но одновременно внутри себя движущимся опытным переживанием никоим образом нельзя сравнить вхождение в систему простых чувств или наглядное представление об элементах воли. . . Воление, чувство, - они согревают человеческую душу даже после, потом, когда состояние их зарождения и возникновения переживается уже как прошедший момент. Мышление в этом последующем переживании лишь очень легко охлаждает его, кажется, что оно иссушает жизнь души. Но и эта последняя есть опять-таки лишь изо всех сил старающаяся сделаться действительной, реальной - тень своей пронизанной светом, со всем теплом воплощающейся в мировых явлениях Действительности. Это воплощение происходит с силой, которая плавно, текуче проявляется в мыслительной деятельности, каковая сила есть любовь в духовном смысле. Невозможно отрицать, что тот, кто таким образом видит любовь в действительном мышлении, чувство любви соединяет, воплощает в её истинной

форме. Ведь само это возражение, в истине своей, является подтверждением того, что здесь обретает действительность. Кто обращается именно к реальному, существенному, сущностному /живому, не прошедшему, не снятому/ мышлению, тот находит как раз в нем как чувство, так и волю, их же он осознаёт также и в глубинах их действительности /познающее чувство, познающая воля/: кто же уходит от мышления и обращается лишь к "чистым" "простым" чувствам и волеиям, тот утрачивает в них их истинную действительность. Кто хочет интуитивно пережить внутреннюю жизнь мышления, тот может достигнуть также эмоционального, продиктованного чувствами, а также волей, переживания.../10/.

Внимательному читателю наврядли из этих выказываний, что речь здесь идет не о созерцании уже свершенного, прошедшего мышления, т.е. уже "помысленного", но говорится о переживании живого, действующего сейчас мышления. Подобное же описывается и с других точек зрения и в начале девятой главы:

"Верное понимание этого созерцания /отношения познающего человека к миру/ приходит к воззрению, что мышление можно созерцать непосредственно как единую в себе и внутренне замкнутую сущность /понятно, что и здесь идет речь о новой форме опыта, не о "внеположном противостоянии"/... Кто созерцает мышление, в течение этого созерцания живет непосредственно внутри самой живой ткани духовной самостоятельной и самодействующей сущности. Да, можно сказать что кто хочет познать, воспринять, прозреть сущность Духовного в том образе, в котором оно прежде всего предстает человеку, тот может сделать это в мышлении, коренящемся, покоящемся на себе самом/11/... Он /прозревающий сущность, истинную реальность мышления / в том самом, что в обычном сознании выступает как мышление, видит не теневое запоздалое отражение действительности, но, покоящийся в себе духовную субстанциональную сущность. И он может сказать о ней то, что через интуицию она дана в Настоящем, Сейчас-Моменте его сознания. Интуиция есть протекающее в чистой духовности осознанное переживание чистого духовного содержания. Лишь посредством интуиции может быть схвачено, осознанно существо мышления"/12/.

В противоположность тому, что в пятой главе говорится об интуиции, последняя охарактеризована здесь как "протекающее в чистой духовности осознанное переживание чистого духовного содержания". В соответствии с этим выступает требование пережить сейчас-

наличное мышление, появляется ещё более конкретный образ: это переживание Пред-процесса, от которого в сознании мы получаем, воспринимаем обычно лишь данное, результаты.

Интуиция, однако, означает, если брать её как бы изнутри, реальное, наличное, нахождение в тождестве, а не во "внеположенности", "противостоянии". Подобное понимание как бы изнутри, легко представить себе на примере интуиции Я, как и на примере каждого изначального переживания. В резкой противоположности явно по отношению к цитированному из третьей главы описывает Рудольф Штайнер этот опыт во втором приложении к главе "Последствия монизма": "Конечно, хотя с одной стороны интуитивно переживаемое мышление есть процесс, полностью протекающий и деятельно совершающий себя в человеческом духе, но с другой стороны, это одновременно и духовное, без какого-либо органа чувств получаемое восприятие. Это восприятие, в котором деятелен сам воспринимающий и это есть действие самого себя, которое одновременно и воспринимается. В интуитивно переживаемом мышлении человек перемещается также и как воспринимающий в духовный мир"/13/. Противоположность утверждению, что не уживаются друг с другом "действительное, актуальное взаимодействие с предметом рассмотрения и созерцательная внеположенность, противостояние предмету", не может быть выражена решительнее и ярче. В действительности в этом вовсе нет никакого противоречия, так как интуитивное переживание на деле никакая не "созерцательная внеположенность", также никакое не "созерцание" в обычном смысле, но наличное присутствие, современность действию, непосредственный опыт, направленный изнутри вовне. Подобное наличное присутствие, современность при действовании имеет место в каждом проявлении художественного творчества. Певец, ведь, не ждёт, чтобы оценить и рассмотреть спетое, то, что он поет, когда все уже отзвучит и будет исполнено: в этом случае будет уже слишком поздно замечать, было ли что-то фальшивым, неправильным. Он "слышит" пение Сейчас, даже ещё до того, как оно зазвучало, как бы изнутри./Поэтому говорят с полным правом о ком-либо, кто не умеет петь, что у него нет слуха, хотя вполне понятно, что поет-то он не с его помощью/. Быть самим в моменте Настоящего, налично присутствовать в самом акте познания, — а не просто как бы "пробуждаясь", обращаться к уже "помысленному" — и означает переживать Интуицию, а не только её результаты. Сама эта прозрачная, пронизанная светом сущность акта познания, состояние не забвения живого познания, обычно заслоняемого уже ставшим, познанным, состоянием, в

котором сам источник познания не остался скрытым, это всё одновременно есть опыт живого мышления и истинного Я, которое единственно способно к этому опыту.

Сознание своего "эго", Повседневное Я живет лишь по милости мышления, оно нуждается в Уже-Помышленном /Уже-Воспринятом/, чтобы вообще существовать как сознание, оно опирается на уже представленное, вспомненное, помышленное, воспринятое.

Истинное "Я есмь" не нуждается в каких-либо опорах, обоснованиях /я мыслю, следовательно существую/, к т о должен был бы это обосновать? Это есть сама основа всех обоснований, доказательств и основ.

е/ Самоистинный дух

Для обычного, простого сознания мышление есть явление, истоки и возникновение которого даны до самого мыслящего сознания и уже находятся перед ним как нечто налично-зримое. Чтобы познать мышление, необходимо сперва произвести этот процесс. Однако, человек может мыслить даже с о з н а т е л ь н о, /думая осмысленно/, этому даже не обучаясь. Логика есть описывающая /не творящая норму, закон/ наука, которая описывает, как я мыслю. Я не смог бы логику ни воспроизвести, ни понять без того, чтобы уже до этого предварительно уметь логически мыслить. Насколько это очевидно, всегда забывается логиками. "Человек не определяет заранее, что за связи должны проявиться между его мыслями, — это определение само было бы уже последовательным рядом мыслей, — он находит лишь пункт, место, где происходит соединение между ними, соответственно их содержанию, которое несет в себе их имманентную существенность, сущность /14/.

Но откуда и посредством чего появляются уже продуманные, "помышленные" мысли обычного сознания? На этот вопрос даёт ответ все творчество Рудольфа Штайнера. В элементарной форме этот ответ можно найти в его "Теософии".

Орган, предназначенный для мыслительных интуиций, есть ядро сущности человека, именуемое Самоистинным Духом, /Самодухом/. "В подобном же смысле как раскрытие, откровение телесного именуется Ощущением, В о с п р и я т и е м, так же откровение духовного называется Интуицией. Простейшая мысль уже содержит интуицию, но её невозможно ни пощупать руками, ни видеть глазами; должно воспринимать её проявление, откровение из области Духа через свое я".

" . . . Также, как не существует восприятий цвета без глазного аппарата, так и интуиции без высшего мышления Самостного Духа, И сколь мало ощущение создает растение, в котором являются цвета, столь же мало интуиция создает Духовное, о котором скорее она несет весть" /15/. "Высшее мышление" означает жизнь в живом космическом мышлении, причаститься к которому позволяет интуиция. Конечно, в отражении обиденного сознания эта причастность есть лишь мертвый и поэтому лишенный верности отраженный образ живой Идеи.

Что при переживании интуиции идет речь о сверхрациональной ступени познания, показывает следующее замечание: "И собственно никто не должен смешивать это, построенное на переживаемом мышлении мировоззрение, с простым рационализмом" /16/.

Речь идет также и не о мышлении о мышлении. Это может быть лишь просто шагом на пути коренной метаморфозы сознания: из В-Прощедшем-Сознания к Сейчас-Сознанию /17/.

Теперь можно задать себе вопрос, почему в третьей главе "Философии Свободы" столь настойчиво утверждалась невозможность созерцания мышления, наличествующего в момент настоящего, с другой стороны, во второй части работы предполагается переживание мыслительного процесса? Ответ содержится в ранее высказанных мыслях, что духовный опыт мышления не есть простое, обычное созерцание извне, но есть внутреннее опытное исследование, интуиция, переживаемая в её становлении. Разница здесь носит педагогическое значение. Речь идет о разных акцентах: для души, будь она даже "Высшим раскрытием, проявлением" Я-Сознающей Душой - не возможно пережить духовное, она лишь может видеть, в лучшем случае, свой неподвергшийся искажению отраженный образ. Потому что только Д у х может п е р е ж и в а т ь духовность, ведь палец, который показывает на Луну, не есть сама Луна. Человек должен поднять себя до Самостного Духа, до своего сущностного ядра, своего высшего Я, чтобы познать хитроумное, причудливое вплетение Духовности в обиденное сознание, постичь источник своих "уже-помысленных" мыслей, познать живое мышление. Он должен, по меньшей мере, на мгновение сознательно реализовать, сделать действительным свое потенциальное тождество с "органом" интуиции - высшим Мышлением. Так может он опытно исследовать, что кроме того ему является через этот "орган" до-сознательно. Но это Скрытое Бытие, которое все же посредством непринужденного, внутреннего действия делается Достижимым Бытием и есть подобие его /человека/ Свободы.

II. ОСНОВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ДУХА

Когда появляется необходимость рассуждать, размышлять о всеобщих человеческих интересах, о смысле человеческой жизни и мирового процесса или о потребностях развития человечества и отдельных человеческих личностей, то должно и возможно исходить лишь из жизненной позиции и точки зрения современного "среднего человека и всё значение и смысл высказывания охватывать и передавать в речевых конструкциях обычного человека. Но для обычных "средних" людей не существует возможности проникнуть в смысл трактуемого и следовать высказываемому. С другой стороны все мы — более или менее — обычные "средние" люди. В этом смысле можно в равной мере утверждать, что если иметь хоть минимальную разумную рассудительность и здумчивость, обратить на себя гносеологические изыскания и сделать себя в этом плане /теоретико-познавательном/ предметом раздумья, непременно натолкнёшься на некоторую базовую, элементарную истину: она в сжатой форме может быть передана следующим предложением:

Все плоды нашего познания и все богатство наших знаний даны нам из и посредством нашей мыслительной деятельности и могут быть получены, выражены и сообщены только в форме мысли.

Можно легко на все это возразить, что ведь и каждое "простое" восприятие может также дать знание и в этом случае при осуществлении этого момента никакого мыслительного действия не было. Однако лишь немного более углубленное рассмотрение показывает, что в каждом процессе восприятия само представляемое, наличное содержание /переходящее в реальное Представление/ восприятия возникает лишь посредством мышления, конечно же находящегося вне сферы наблюдения: без отвлеченных мыслительных определений, действующих в нас как воспринимающем субъекте быстро и легко, а потому и незаметно, попросту нельзя было бы воспринимать ничего определенного.

Кто наблюдает содержание своего сознания, тот заметит, что это содержание состоит вообще лишь из элементов, которые имеют или чисто понятийный характер, или опять все-таки связаны с элементами понятия. Человеческое сознание есть мыслящее сознание. Что сказанное выше значимо и для чувственного познания, непосредственно зримо и ясно. Но как обстоит дело с видами познания, не направленными на чувственно воспринимаемые объекты? Что же происходит с мышлением, когда оно направлено, устремлено на познание Сверхчувственного?

Бессилие предметного мышления в постижении реалий Сверхчувственного ярко раскрывается в опыте человеческой истории. От схоластиков, через Канта до самого появления первых работ Рудольфа Штай-

нера, посвященных гнессологии, существовала все время растущая пропасть между чувственным и духовным миром, между направленным лишь на первый из них познанием, и Верой, нацеленной, обращенной на действительность сверхчувственную. Немецкий идеализм, включая Баадера и Штирнера, не мог соединить края этой пропасти. Можно фактически утверждать, что человеческое мышление, такое, как оно развилось в ~~сознании-гранничности в-образе-Средучувстванного.~~

Что познание чувственного мира в той форме, в какой оно сейчас существует, неудовлетворительном для человечества, может быть доказано и показано посредством многих моментов. Думают лишь о неприятностях касающихся собственной жизни, перед лицом опасностей, грозящих как человечеству, рассматриваемому как целое, так и отдельным личностям. Однако этот вопрос о достаточности, удовлетворительности познания каждый должен ставить сам, и каждый индивид должен на него в любом случае отвечать сам. Можно было бы также сказать: кто перед собой этот вопрос ставит, уже ответил на него. Подобным образом можно говорить и о возможности предоставить область сверхчувственного чему-либо другому, а не познанию в обычном своем значении. Пусть это сделает каждый, кто может. Все здесь выказанное имеет значение для того, кому ранее представлялось, что он на подобное не способен. Вероятно, можно также указать на то, что познание чувственного мира само очень несовершенно, несмотря на технический прогресс. Явления Жизни, Живого полностью отвлекают на себя силы познания, и основополагающие понятия — дизики как масса, сила, энергия, силовое поле ещё ожидают своего ясного, разумного истолкования.

Таким образом, современный человек видит, что он просто-таки вынужден в целом поднять, повысить уровень своих познавательных возможностей — весьма — весьма смелая попытка, впервые в истории предпринимаемая в сознательной форме, избранной посредством самостоятельного решения. Развитие познавательных возможностей происходило до нашего времени без сознательного желания, решения человека, зиждясь на природных возможностях роста.

При этом мы можем сохранить не менее ясности и осознанности в этом некоем виде познания, нежели в мышлении: в этом плане мы ничего не теряем, лишь приобретаем — ясность лишь возрастает, отнюдь не происходит возврата к более туманной, проникнутой грёзами форме сознания.

Как может человек изменить себя? С чего он может начать преобразование своей сущности, чтобы вывести себя за пределы нынешнего состояния?

Всё, что попадает, проникает, просачивается в человеческое сознание, есть нечто готовое, ставшее, конечный продукт, последняя фаза того предпроцесса, посредством которого всё это возникло. Так обстоит дело и с восприятиями чувственного мира, а также и с восприятиями мира внутреннего, с явлениями Жизни Эмоций, Чувств и Жизни Воли. Действительно, когда мы достаточно пристально рассматриваем науку Жизнь Понятия, то замечаем, что обычно также и мысли и понятия осознаются впервые тогда, когда они уже готовы, когда уже выкристаллизовались. При этом существует основополагающее различие между сферой мысли и прочими формами содержания сознания. В то время, как всё прочее дано мне как бы извне, без моего к тому содействия, я чувствую себя создателем, источником своих мыслей. В мире моих мыслей я ощущаю себя в известной степени свободным в своей активности. Я уже ничего не могу изменить во внезапно появившемся, повлиявшем из глубины моего "Я" чувстве или велевом импульсе, в лучшем случае я могу управлять лишь формой их выражения. И в их осуществлении, оформлении я не принимаю никакого участия: я не могу чувствовать, что я хочу. С мышлением обстоит иначе. Я могу полностью контролировать и наблюдать его: для меня вполне ясно и прозрачно содержание мышления, как бы проникнуто светом, тогда как всё прочее в противоположность этому имеет свою тёмную, непроницаемую сторону. Всё остальное я понимаю с помощью мысли. Мышление есть Элемент Понимания.

В этом элементе, моменте я чувствую себя как дома. Когда я говорю: "я мыслю", то это коренным образом отлично от прочих высказываний, как например: "я прогуливаюсь" или "я ем". Ведь когда я совершаю что-либо иное, то эти мои действия проследить с помощью мышления, одновременно с действием я знаю, что именно Я это делаю. Но во время мышления это поначалу невозможно. Необходимо непрерывное присутствие также таких моментов, как известное умение, опытность, культура или возраст, чтобы осознавать самого себя во время определенного эмоционального, чувственного переживания, то есть сохранять свое мышление в четком виде. Но во время мышления его субъекты остаются полностью с ним единными, тождественными, как настоящий человек вполне един со своими радостями и страданиями. Но это значит: при чувственном, эмоциональном переживании современный человек существует как самостоятельный сознательный субъект в большей или меньшей степени. При мышлении он является им в куда меньшей мере; он с ним просто тождествен. В истории человечества было время, когда человек был един со своей Жизнью Эмоций /см. прим./; мысли он ощущал как бы проходящими извне.

Из этого всего ясно, что современный человек в мышлении ближе

всего к своему Центру, к своей центральной сущности, отсюда и прозрачная ясность этого мышления. Это позволяет пролить свет и на природу этого центра, этой центральной сущности: она должна быть сходного рода с мышлением.

Все, что входит, проникает в меня извне, есть уже готовое, ставшее, мертвое, но мое сознание может принимать лишь подобные вещи. Я не воспринимаю ничего живого. Жизнь не может быть мною воспринята. Что данный цветок - живой, не является восприятием, это ощущение, следствие. Я не могу отличить от живых искусственные цветы, растения, плоды из воска или бумаги, когда они искусно сделаны. Также, чтобы установить, что механически движущаяся модель животного не живая, необходимо её изучить. Ещё намного меньше умею я различать живые семена злаков от неживых.

Я противостояю всем этим явлениям, нахожусь вне них. Они для меня предметны, поэтому я и называю свое сознание предметным.

Но с мышлением обстоит не так. Оно не осуществляется без моего усилия, содействия. Я чувствую, как нахожусь непосредственно за моим мышлением, до него в качестве субъекта. При том я не нахожусь где-то вне, мышление не есть нечто мне противостоящее. Все прочее я получаю, претерпеваю как объект воздействия извне. Но источником мышления являюсь я сам.

На этом моменте возникают для меня два вопроса: 1. Кто собственно есть "Я", которого я чувствую и обозначаю как субъект мысли? 2. Мог бы я своё мышление наблюдать, рассматривать так же, как могут наблюдать свою эмоциональную жизнь? Но тогда моё чувство "Я" должно было бы отчлениваться, испытывать отталкивание от мышления, должно было бы вырваться из своей идентичности с ним. В чем же тогда состоит это чувство "Я"? Я пролежу здесь первый вопрос.

Человек живет, действует, мыслит /сознательно высказываясь или просто молча, наедине с собой/ так, как если бы он должен был сказать Я - Тело, Я - Душа, Чувство, Действие, Мысль.

Когда человек так говорит, когда человек так чувствует, он живет в состоянии противоречия. Так как я могу быть только Я, а не тот, кто все это, все эти определения мыслит, познает, высказывает. Я не могу ни на что, находящееся вне меня, Будь то Дух, Тело, Душа, указать и определить: Это Я. Так как я могу быть лишь тем, кто все это говорит. Когда я так говорю, я высказываю противоречие и живу в нем. Но я это делаю как современный человек, сознательно или бессознательно. Я лишен переживания моей внутренней сущности. Эта сущность не узнает себя саму как себя, она принимает себя за неч-

то иное, за тело, душу, лишь не за Я. Ведь моё актуальное "Это" не может вполне представить себе, что может существовать что-либо, без того, чтобы оно являлось бы актуально Воспринимаемым мною. Но все, что я подобным образом считаю моей сущностью, есть Вещное, Не-Я, а другое. Я идентифицирую себя с ним. Эта вещьность способствует тому, что Субъект идентифицирует себя с ней и посредством этого познает себя как Объект, так как Субъект поначалу не может себя иначе видеть и познавать. Поначалу Субъект нуждается в Зеркале, чтобы смочь увидеть себя. Он созерцает себя в этом зеркале, видит образ /отраженный/ и говорит: это Я. Личины Сущности, Тела, Души, Мышления есть подобные зеркальные образы. Я считаю себя таким образом, пока не переживу противоречивость подобного взгляда.

Ранее или позднее меня наставляет в этом Стрдание, возникающее из этого противоречия. После этого я познаю, что не являюсь зеркальным образом, а тем, кто этот зеркальный образ видит, тот, кто познает себя через это зеркало вообще, что я тот, кто самого себя помещает в это противоречие и самого себя считает за этот зеркальный образ.

Что я для этого подхода, процесса не нуждаюсь ни в каком зеркале проистекает из того, что я уже в себе самом в неразкрытом состоянии /нахожу/ точнее - пред-нахожу, т.к. речь идет о пред-процессе /это зеркало как определенную личину. /ПРЕД-процессе осознания себя как Я/. Если бы моё тело состояло бы только из одного глаза, то я не мог бы видеть "себя" /мнимого, ошибочно представляемого "себя"/ без действительного Зеркала. Чтобы прийти к Самосознанию, в таком случае я действительно нуждался бы в зеркале. В нем я познавал бы себя как отраженный образ. Особенно когда мне постоянно подсовывает это зеркало Демон: это должно было бы меня убеждать, что я и есть это Отражение. - Но наше протяжение, длительно наличествующее Зеркало есть наше Тело, наша Душа, которые постоянно находятся при нас. Я нахожу в них себя: это моя Самость. Я живу постольку, поскольку я сообразно своему воспитанию, сообразно степени развития сегодняшнего человечества идентифицирую себя с этими своими "личинами". Они же намного глубже принадлежат мне, нежели внешнее зеркальное отражение. Я - тело, Я - душа: это мысли. Пока я живу сообразно этим мыслям, без того, чтобы сознательно вобрать их в себя и выразить, выказать, я живу без явного, зримого противоречия. Я действительно - тело, я действительно - Душа. Но как только это во мне осмысленно и выказанно, во мне рождается, манифестируется противоречие. И это явное противоречие толкает меня на мекание.

Я ищу истинный Субъект. Первое наблюдение на этом пути: Я не могу в Истине быть Телом, так как тело не говорит, не думает, не может сказать: Я емь. — Я не могу быть Душой или Чувственной Жизнью, так как чувства приходят и уходят, и они о себе могли бы столь же мало как и тело выказать: Я емь. Столь же мало может Восприятия говорить или думать или само собой еделаться Мыслью, т.е. подняться до Сознания — Я есть тот, кто восприятие "Я" в зеркальном отражении делает мышлением этого тождества /превращает в ммель о тождественности этих Я и "Я" / и таким образом поднимает Восприятие до Сознания.

Я не Тело, однако тот, кто мыслит свою тождественность с ним я не зеркальное отражение, однако тот, кто его видит.

Глаз необходим для зрения. Но видит не глаз. Я есть тот, кто видит то, что сообщает глаз. Глаз есть почти чисто лишь оптический аппарат, линза и камера-обскура, которая производит образ, перевёрнутый образ. Однако же этот образ должен в камере-обскуре быть кем-либо зримым, наблюдаемым.

Следовательно, чистое мышление дает мне знание того, что я нахожу свое Я позади, за всеми своими действиями, как Субъект этих действий. Но я не могу указать ни на что, что было бы "Мной", не могу показать что-то, чем бы я сам был. Так как все, на что можно указать, было бы вне меня — также и тогда я указал бы на что-либо Чувственное. Я, Центр, есть неуказуемое, невидимое в вышем смысле. Это нельзя видеть, это является не Видимым, в то время как само-Видящее. Лишь само Я может видеть.

Я — не Тело, Я — не Чувство. Мышление стоит ко мне ближе всего, так как я каким-либо образом его произвожу, и оно "прозрачно", зримо для меня /и для других мыслящих существ/. Но в то время как я рассматриваю мысли как Объект, они находятся передо мной, стоят по отношению ко мне как противоположные, и то, что я сперва наблюдаю в них, есть уже готовое, мертвое. Прошедшее, как все Воспринимаемое. Следовательно, это Не-Я. И потому я должен и постигать себя как Субъект, стоящий за всеми моими действиями, как Длительно-Наличное, как Настоящее, длящееся по времени.

Так я вычленяю с помощью чистого Мышления, наблюдающего Мышления содержание за другим из моего действительного Я. Я снимаю личину за личиной. То же, что остаётся, есть Ничто: вначале я не могу вкладывать в свое я никакого содержания, находить в Я какое-либо содержание, так как все представляется сущим вне моего Я. Единственное, что я могу о нем /Я/ сказать, это то, что он ЕСТЬ. Это истинный Субъект, представляющий из себя абстрактную точку, источник моих дея-

ний и особенно моих мыслей. Но этот источник может сперва о себе самом сказать только :Я емь.

Огромный спектр мирового разнообразия, в котором я до того хил, собирается воедино в этой единственной, не раскрытой в своих моментах, неразвернутой точке, которой являюсь Я. Последняя не имеет ни объема, ни содержания вне себя. Так я постигаю, что о моем истинном Субъекте я не могу ничего знать посредством чистого мышления, ничего не могу переживать относительно моего Центра кроме одного, что он есть. Эта сущая точка есть источник моего Бытия и моего Сознания. Это ничто есть мой живое, живущее ядро. Вероятно, этот посев может произрасти. Возможно лучи этого спектра мирового многообразия, которые в этом посеве собираются вместе и пересекаются, вероятно могли бы где-нибудь и как-нибудь, конечно не посредством чистого мышления, вновь вырваться из этого центра на другую сторону пространства - во внутреннее мировое пространство.

После того, как я для себя посредством чистого мышления уяснил, что мое обычное чувство Я собственно неправомерно, можно даже сказать /обман, иллюзия/, и я могу вполне законно определить как свой центр лишь абстрактную точку, о которой ничего не знаю, для которой я не могу найти никакого содержания, если бы обратился к задаче определить для этого Центра все-таки некоторое содержание. При нахождении этого Центра посредством чистого мышления сам я в этом Центре не нахожусь. Я лишь знаю, что этот Центр есть. Но вот я хотел бы отнестись к нему самому. До сих пор я чувствую себя как Тепло, как Душу, как мысль; теперь же я хотел бы испытать, постичь себя как чистое Я, а не просто знать о его существовании. С простыми лишь знанием об этом я остаюсь тем же, кем был.

За всеми моими действиями стоит мой Центр. Эти действия я наблюдаю с помощью мышления, которое больше всего предстает мне, а также этому Центру; именно поэтому оно для этого Центра столь ясно, зримо, прозрачно. Все прочее я могу наблюдать с помощью мышления, как находящееся вне самого мышления. Когда мое мышление наблюдает что-либо другое, внешнее, я идентичен с этим мышлением. Или я чувствую его тождественным со мной.

Одно дело - мысли, понятия, которые я формирую, творю и придаю им законченный вид, - совершенно другое - тот пред-процесс, протекание, подход, та сила, посредством которых во мне образуются мысли, понятия, идеи. Обычное Сознание живет, существует в этих мыслях, понятиях и идеях, но тот подход, процесс, посредет-

вом которого они появляются для такого сознания столь же неясен и неосознан, непонятен, как и становление прочего Содержания /этого сознания/. Так как мы ведь нашли в мышлении такую деятельность, в которой мы с большим правом могли бы видеть самих себя в качестве творцов, создателей дающих изначальный импульс, то очевидно, что мы теперь стремимся самостоятельно наблюдать не просто лишь Конечный продукт, но само становление, тот пред-процесс, который привёл к образованию этого продукта. От понятий и идей мы обращаемся к силе, которая их произвела и к самому процессу из созидания. Наш Центр есть дьящееся настоящее. В нашем же сознании в противоположность этому возникает лишь всегда Прошедшее, мёртвое. С наблюдением, созерцанием Пред-процесса Проистекания мышления мы приближаемся-таки к Настоящему, то есть Живому.

Вполне ясно, что с созерцанием мышления мы затрагиваем также и ранее упомянутую вторую задачу, а именно ту, чтобы разрешить, разъединить наше тождество с мышлением и посредством этого поставить на собственную основу, получить в чистом виде тот Центр, который пока ещё опирается на мышление и переживает, осознает себя в мышлении. Этот центр поднимается до значения Субъекта, также субъекта мышления.

Но этот шаг к наблюдению, созерцанию самого мышления потрясает основы нашего сознания. Ведь созерцать нечто, с чем поначалу мыслилась собственная идентичность, означает разрушить эту тождественность./.

Действительно, поскольку себя вообще видят или чувствуют чем-то иным, чем объектом, который следует наблюдать, самое важное, что необходимо для вышеуказанного шага, уже есть, уже произошло. В случае полного тождества /со своим мышлением/ невозможно было бы даже заметить саму возможность отделения, высвобождения от тех основ сознания, о которых шла речь. Подобная идея просто не могла бы появиться. Но такова уж форма сознания повседневной жизни: или мы находимся полностью за пределами происходящего, явления, соответственно, мы можем легко наблюдать все это как простые зрители, или мы полностью отдаемся, подчиняемся, включаемся в происходящее, и тогда нас уносит с собой поток мирового, надъиндивидуального бытия, мы есть само происходящее, мы сами становимся Радостями и Горестями и уже не наблюдаем. В одном случае мы безучастные, абстрактные зрители, в другом - переживающие события наивно, в природной первоизданной нерасчлененности.

С этой точки зрения созерцание, наблюдение собственного мыш-

ления представляет значительные трудности. Прежде всего мы можем наблюдать мышление лишь в последствии, т.е. уже мышление прошедшее, свершившееся, следовательно, его следы, уже готовые, "произведенные" мысли. Поначалу кажется безнадежным, невозможным, в одно время заниматься и самим мышлением, так сказать созданием мыслей, и наблюдением этого, тем более, что в этом случае средство, с помощью которого ведется наблюдение было бы самим объектом этого наблюдения, а именно - мышление. Далее, субъект обоих действий должен был бы быть одинаков. Возможность делать что-либо и одновременно с помощью наблюдения проследивать эти действия можно было бы проиллюстрировать следующим сравнением:

Когда мы присутствуем на драме в театре, которая, глубоко захватывает нас, затрагивает самые внутренние струны нашей души, мы находимся в ситуации, не соответствующей ни одной из ранее приведенных форм отношения к окружающим событиям и своего самосознания в них. Хотя мы простые зрители, но мы все же никоим образом не остаемся непричастными, иначе мы не могли бы испытывать никакого воздействия /например, катарсисного/. С другой стороны, хотя никоим образом не стоящие в стороне зрители, мы все же не погружаемся в драматическое действие полностью: мы по-прежнему остаемся зрителями. Те же события, которые на сопереживающего зрителя возможно производят очищающее, возвышающее впечатление, совсем иначе действовали бы на него, будь ему необходимо все это пережить в реальности. Сцена берет на себя те тяготы переживания, которые в жизни субъект должен был бы переносить сам; у него остаётся сила сознательно оставаться самим собой, не покидать свое собственное существо во время происходящего. Таким образом он и зритель и, в известной мере, переживающий события как свои собственные. Не обязан ли катарсис своим существованием именно такой ситуации? Если далее рассматривать эту особенность театра, то вообще приходим к философии, и более глубокому пониманию художественного творчества.

Возможность быть одновременно и зрителем и переживающим события в театре так сказать "дана" и облегчена внешним его устройством. При наблюдении протекания, процесса мышления, требование тяжелее, так как необходимо быть здесь одновременно не только переживающим: участвующим, но и зрителем и создателем.

Здесь нет необходимости разбирать технологию созерцания, наблюдения, мышления. Следует привести лишь важнейшие черты и результаты подобных упражнений.

Наблюдение мышления не происходит посредством какого-либо дру-

того органа кроме мышления. Мышление должно стать столь сильным и самостоятельным, чтобы выступать для субъекта чем-то столь же реальным, как в других случаях выступает внешнее восприятие. Это достигается с помощью упражнений на сосредоточение — насколько это необходимо. Завершением, результатом этого сосредоточения всегда является некоторая чистая идея, которая следовательно не имеет непосредственной связи и отношения к миру восприятия. Чем чище /в философском смысле/, чем дематериализованнее становится эта идея, тем прозрачнее, яснее, зримее она для субъекта, тем меньше несет она в себе элементов восприятия. Последние именно заслоняют, закрывают мыслительный процесс от самого мышления; они предстают мышлению как непроходимые, непреодолимые пространства несмотря на то, что сами были выдвинуты, оформлены мышлением, конечно мышлением, которое выражает, воплощает себя в мире восприятий, /мышление выступает как в-себе-бытие тех моментов, которые налично, актуально раскрываются в чувственном мире/; но однако же непрозрачность, непреодолимость, непроницаемость есть основной закон чувственного, материального мира.

Мысль /следовательно Духовное вообще/ проницаема, прозрачна, зрима для мышления. Прозрачность, ясная зримость чистой идеи есть то, что именно НЕ затемняет, НЕ закрывает /для Я/ процесс образования идеи и посредством этого дает возможность самому протеканию, ходу этого процесса быть доступным и наблюдаемым для субъекта.

Исходя из двух точек зрения подобный процесс, протекание наблюдения и подход к нему является основополагающим. Во-первых, посредством подобных часто долго длящихся усилий образуется СУБЪЕКТ, который не отождествляет себя с мышлением, следовательно, не растворяется, не погружается и не тонет в мышлении, не обязан опираться на мышление, чтобы быть, чтобы знать о себе. Но коли этот Субъект знает, что мышление можно и нужно наблюдать и как это делать, то он от него независим и этим отбрасывает последнюю свою внешнюю подпорку, сбрасывает свою последнюю личину. Он не опирается ни на что, он ЕСТЬ. Это сущность-в-себе-и-для-себя, это сущность, это Я, которое знает о себе независимо от тела, души или мышления, а поэтому также и ЕСТЬ независимое от них самих. Так как мышление есть ещё нечто внешнее для этого Я. Оно не вне себя: Это абсолютно сущее, изначальная сущность, Духовная сущность и "сущность духа, духовного, и духовное существо, которая сама из себя творит свой смысл и чувственную наличность. Но поскольку это Я есть живая Духовная Сущность /т.е. полностью зримая и прозрачная для са-

мой себя/, оно в состоянии создать, произвести и мертвую духовность
 Духовность: мысли, понятия, идеи. Дух это элемент, основа понимания прозрачности, зримости. Ставшие же мысли есть окаменевшая духовность. Живой Дух, Я создает, производит их, это источник и врата, через которые истекают и струятся мысли. Таким образом, при созерцании, наблюдении мышления наше Я совершает Изначальное деяние: Оно познает само себя и через это созидает само себя. Оно познает, осознает себя как Дух, который осознан и сознает посредством самого себя: ведь не существует неосознанного и не сознающего Духа, Спящий /неосознанный и несознающий/ Дух, следовательно, Не-Дух, есть Природа, таковы и мы, пока не высвечен ещё наш центр. С высвечиванием этой центральной точки в сфере, в круге душевных процессов, движении появляется первый росток нашего высшего, т.е. истинного Я. Его искаженным зеркальным отражением является наше повседневное, замкнутое на себя наше Это. Что при вышеуказанном просветлении становится явленным, уже не нуждается в зеркале, чтобы познать себя, знать о себе: Это Духовная Самость, Самостный Дух.

Вторая точка зрения, с которой отмечается основополагающий характер этих событий, состоит в том, что при созерцании мышления впервые воспринимается нечто Живое, сама Жизнь, а не только её чувственные проявления. Понятия, мысли мертвы, это кристаллизованная духовность, конечные продукты. В Интуиции /философской/ я переживаю живые, вневременные вспышки озарения Жизни, из которой происходит понятия. Эта интуиция есть также простейший, изначальный образ всей высшей Интуиции. Живое в мышлении не есть понятие, но связь между двумя понятиями, продолжающая свое течение, движение Предмысленность, которая порождает мысли. Это та Надпонятийность, жизненная полнота которой в отдельных понятиях распадается и застывает.

Я мыслю - Я знаю, что уже мыслил - Я мыслю Знание того, что уже мыслил.

Эти мысли, эта последовательность мыслей разбивается, расчленяется тонкими, мелкими интервалами. Последние и разделяют и соединяют, они являются сущностью мышления, в то время как образуют незаметную, невысказываемую целостность, единство во внутренней взаимосвязанности понятий, их скрытый, невидимый задний план. Обычно я осознаю их как выемку, как прерыв, незаполненность и невозможность, время или тот континуум, непрерывность в которой живет и разворачивается в своем жизненном процессе мышление. Это ощущение, осознание чего-то выходящего существует столь долго, пока я учусь

наблюдать мышление. После же именно эти перерывы, эти молчаливые интервалы между отдельными понятиями выступают для меня как Жизненное, Жизненность мышления: как Прародительница мыслей.

Мышление как процесс, протекание, проистекание есть жизнь, которую я обычно отказываюсь видеть. Та сила, благодаря которой жизнь есть жизнь. "Я", истинный центр Человека, состоит из этой субстанции. Это духовная изначальная субстанция Мира, всякого Бытия и ничего не делается, не происходило без неё. В этой субстанции - основа того, что я могу познавать мир даже и с помощью обиденного мышления, являющегося мертвой тенью Духовной Жизни /"В нём была Жизнь, и Жизнь была Светом Человеков и Свет сиял, светил в темноте"/.

Чувство-Я до сих пор состояло лишь из ответов, реакций на раздражения, возбуждения, чувства, мысли. Я чувствовал себя, поскольку побуждался к ответу, к определенной форме реагирования. В реакции обнаруживает себя Эго. Но "Я" не нуждается ни в чём, чтобы чувствовать, постигать себя. Но в этом случае мы имеем абсолютное познание, полную зримость, постигаемую пронизаемость /при том, что нет состояния противостояния предмету/, Пра-Тип, Изначальный тип, Архетип абсолютного интуитивного Познания, в котором субъект погружается в объект, но при том не бессознательно, неосознанно, как на ранних стадиях развития. Я, но воспаряя, поднимаясь при этом к созиданию, пробуждению Сознания. И поскольку Я теперь действительно **ЕСТЬ**, оно может полностью выразить, сообщить себя вовне, оно способно к Само-Отдаче, Само-Отвержению, если есть что-либо, чему можно отдаться. Оно может осознанно и самостоятельно погружаться в Познаваемое. Так появляется возможность Познающей Любви. Познавательный процесс и любовь есть один и тот же поток жизни.

Абстрактные мысли холодны, не будят чувства. Они очистились от природно-чувственного; а постольку они стали предварительными ступенями чистого мышления. Переживаемые мысли одновременно есть и переживание чувств. Но при том не мысли образуются из и посредством чувств, а наоборот, имеются мысли, и они из своего внутреннего содержания вызывают чувство. Но переживается мышление, когда оно может созерцать себя. Восприятие мышления освобождает его от абстрактности, в которой оно увязло вследствие отвержения от себя чувственных восприятий.

Для человечества было вполне естественно, иметь перед собой мир в качестве Объекта. Оно чувствовало противопоставленным Не-Я, тому Не-Я, которое есть Мир. Из этого человек мог научиться иметь

к Объекту известным образом свободное отношение; так родился познающий Субъект. Это произошло без собственной инициативы человека. Его привела к этому его собственная природа, так как в человеке все то, что в нем самом и относительно, вокруг него не находится в ведении сознания — есть Природа. Смысл этого процесса был в том, чтобы придать человеку это отношение, научить его известному Противодействию Объектности, свободному отношению, мыслительному, чисто мыслительному отношению, независимости от Объекта, активному противостоянию ему.

Но истинный Объект есть Мышление. Но речь здесь идет не о Мышлении о Мышлении. Это также возможно делать, но вследствие этого нельзя пойти дальше, попросту потому, что продолжают мыслить те же мысли на том же уровне. Можно при определенных условиях рисовать какие-либо изображения. Но они все же останутся лишь внешними изображениями. — То же, о чем мы говорим, есть Наблюдение, Восприятие, хотя не чувственное. Без этого Наблюдения мы останемся включенными лишь в абстрактное /поскольку Не-воспринимаемое/ Мышление.

Посредством этого познания, восчувствования своего Я мы достигаем первого духовного Переживания современного человека. Без этого затруднительно или вообще невозможно ответить на вопрос, что есть Дух. Так как о чем у нас нет никакого опытного представления, то мы представляем как нечто соответствующее тем образцам опыта, которыми мы располагаем. Поэтому в описаниях, объяснениях исследователей Духа любые сравнения, зрительные описания часто просто непонятны. До тех пор, пока представляют себе Дух, Душевное, Эфирное связанными лишь со следом некоей более тонкой субстанциональности, пространственности, временности, находятся ещё далеко от понимания их истинного, истинной сущности.

С переживанием собственного Я — а для современного человека это переживание стоит непосредственно перед становлением сознания /становлением в качестве сознающего/ — приобретает опытное ознакомление, знание того Сущего, которое чисто духовно, без какого-либо "материала", без-субстантно как и Мир Мыслей. С этим опытным знанием Я избегается представление об этом Духовно-Сущем, о котором говорит исследователь Духа, как о чем-то субстанциональном, пространственном. — Но с другой стороны наличествует переживание познания, в котором нет противостояния Объекту. Это противостояние имело место в познании внутри чувственного мира. Следовательно, в процессе познания Духа оно больше не может существовать. Здесь нет противостояния, здесь есть лишь осознанная Само-Отдача, Само-Отвержение вовне /а фактически — все другое, вовне, одновременно и тож-

дественно - внутри себя/, осознанное тождество, проникновение в объект познания и как обратный процесс, проникновение, пронизывание собой самого себя, так же, как можно лишь познавать мысли другого человека, когда сам их осмысливаешь, посредством чего становишься с ними единым и как бы вбираешь их в себя, делаешь их своими. Можно познавать Духовное, лишь когда един с ним. Противостояние возможно, пригодно лишь по отношению к чувственным /также внешним/ объектам познания. Мы не можем противостоять Духу: тогда бы он стал Не-Духом. Он не вне нас - будь это так, он не был бы Духом.

Непосредственно из этого следует, что Духовная наука - не вещь, не объект или знание, которое стремятся достигнуть возможно за один день. Когда смотрят на вопрос таким образом, забывают какую роль здесь играет собственное мышление, собственный Дух. Я, посредством своего мышления, выбираю для себя духовную науку. Я, посредством своего мышления, своего суждения нахожу её положения истинными, но кто мог бы иначе? Духовная наука является или должна быть чистой Деятельностью, а именно переживаемой деятельностью. Она не "учение", не доктрина. Она - возможность современного человека, которая воскресает в его живом мышлении, в его разбуженном, переживаемом Сущностном Ядре. Кто изучает Духовную науку или занимается ею практически, должен для духовного переживания развить в себе ещё более тонкое диалектическое мышление, иначе всё останется лишь суммой знаний, догмой или верой, но такой, которая как таковая не постигает себя и поэтому есть неверие: суеверие. Человек - не зритель в познании, постижении Духа, он один может раскрыть, высвободить свою собственную деятельность как Дух. И так он может в этой активности переживать объективную духовность мира. Произведения исследователей Духа сегодня при расширяющихся публикациях всё же остаются тайными, сокровенными писаниями: нужно иметь к ним ключ. Этот ключ получается из вышеописанного наблюдения мышления. В любом случае это надежный путь к тому. Обычное мышление протекает с помощью чувственного восприятия. Оно идет "пространственно" от понятия к понятию и требует времени. В Интуиции Идеи мы многократно переживаем вневременную, внепространственную вспышку, озарение живого Духа. И часто воспринятое внезапно, молниеносно, долго обрабатывается мышлением и выражается им. Это озарение, вспышка - опыт из атмосферы той области, где наше Я - у себя дома. Мы приближаемся к этой области в Наблюдении Мысле-

ния.

Некогда человек сказал: Я мыслю, следовательно, я существую. Он чувствовал, что его собственное Бытие рождено, укреплено и сохранено в Мышлении. Но тот, кто может переживать своё Я вне, т.е. независимо от мышления, что говорит он? Ему больше не нужна никакая поддержка, чтобы быть, его собственное Бытие поддерживается лишь им самим. Поэтому он может высказать Изначальное : Я есмь.

IV. КОНЦЕНТРАЦИЯ И СОЗЕРЦАНИЕ

Последняя цель концентрации – созерцание, претворение, воплощение самостности, той, что постигает, переживает свою собственную мыслительную деятельность, наблюдает её в то самое время, когда её созидает. К этой цели можно приблизиться лишь "окольными путями", поскольку "на-себя-самое-поставленное-мышление" не может проявиться, пока внешнее его наличное выражение связано с какой-либо одной частной темой, и поскольку самостность ещё выступает в образе своего зеркального отражения: в виде представления о "Я", которое переживается как образ "Эго", будучи отождествленно с определенным обликом, с внешним покровом. "Эго" должно мыслить н е ч т о. Но оно может это производить не прямым образом, оно может лишь м ы с л и т ь в о к р у г чего-либо. Пределывать это незамутненным прямым и ясным образом есть первый шаг рассматриваемых упражнений.

Время для упражнения следует выбирать такое, когда упражняющийся находится в наиболее бодрствующем состоянии, не устал, спокоен и не обременен ничем посторонним. Это индивидуально для каждого. Поэтому необходимо постараться особенно внимательно и предусмотрительно выбрать то время в течении дня или недели, которое подходит именно данному упражняющемуся. Занимаются упражнениями сидя /не лёжа/, расслаблено, телесное напряжение должно быть снято сознательно, по-деловому и "без ангельского нимба над головой", так же просто, как, например, сидят во время упражнений в фортепьянной игре. /Искусство окутано ореолом "святости" лишь для дилетанта. Поэтому и из одного только благоговейного страха превращает его в ничто/.

Концентрация на определенном предмете

Предмет концентрации должен быть "изобретенным" самим человеком, простая вещь, но не объект природы /например, растение/, т.к. подобный объект поначалу неясен, непрозрачен для мыслящего. Предмет должен мыслиться в аспекте сделанности, в плане манифестированности, а не с точки зрения своего материала, вещества, – что есть природное. Предмет также должен быть неинтересным и эстетически безразличным, не вызывать эмоций типа "нравится" или "не нравится". Его не рассматривают, о нём думают. Можно посоветовать, чтобы глаза были закрыты. Зримое восприятие предмета мешает сосредоточению. Его следует проводить исключительно в мышлении.

Мышление целиком охватывает предмет: мыслится его форма, цвет,

то, как он сделан, функция и т.д. Представление о предмете образуется по памяти, по памяти же дается и его описание. Мышление должно быть свободно не только от внешних отвлекающих мыслей, но и не должно мешать само себе: то, о чём будет мыслиться в будущем, не должно отбрасывать свою тень на настоящее; что уже однажды было помысленно, не должно вновь повторяться через воспоминание, так как это уже вообще не мысль. Мышление протекает абсолютно в настоящем, должно осуществляться /но этого почти невозможно достигнуть/ посредством равномерного волевого усилия с равной интенсивностью в каждое мгновение. Например, нельзя мыслить о том, что было темой упражнения вчера, в воспоминании, это делает упражнение скучным и через несколько дней склоняются к тому, чтобы сменить тему; было отмечено, что Воспоминания об уже помысленном не есть мышление. Уже однажды бывшее в мышлении — тоже побочное отвлекающее обстоятельство, как и всё прочее, что исходит не из того мышления, которое, соединяясь с волевым актом и основываясь на нём, протекает сейчас, есть "настоящее". — Можно каждый день мыслить совершенно то же, но не замечая, что это то же самое. Вне настоящего, сейчас протекающего мышления всё прочее должно быть забыто, оно не существует.

Волевое усилие не должно вести к напряженности, т.к. в ней так же гаснет мышление. Напряжение более всего возникает при сопротивлении отвлекающим моментом. Поэтому важно, чтобы поначалу мышление шло в очень твердом контуре тесных связей отдельных мыслей. "Ложка из серебра. У неё ручка и... Она служит... Она сделана посредством литья или штамповки...". Если отвлекающие моменты вмешиваются, тогда пытаются, без сопротивления, рассматривать тему именно сквозь эти помехи. Борьба с ними поставила бы их сначала в самый центр сознания и вытеснила бы взятую на рассмотрение тему.

Отвлекающий момент может также состоять в "блуждании мыслей", когда слишком далеко уклоняются от темы. Заметив это, надо остановиться и попытаться найти ту ассоциативную связь, по которой произошло отклонение. Если её уже не возможно найти, следует вернуться к теме. Отвлекающие моменты, мешающие мысли, и представления могут выступать рядом с течением мысли, вызванным и поддерживаемым волевым импульсом. Поначалу не следует пытаться им противостоят, но просто стараться обращаться лишь на конкретную тему. Если это не удаётся, то рассматривают тему "через плечо помехи". И если это не помогает, то можно на мгновение обратить внимание непосредственно на мешающие представления и после того снова вернуться к основной теме.

Каждому предоставляется по своему собственному усмотрению применять индивидуальную технику, чтобы овладеть помехами. Но лучшее — это беззаботно продолжать мыслить. Ничего страшного, если и далее будут вторгаться отвлекающие представления. Со временем они уйдут, ослабнут. /Любой пианист может сфальшивить. Это важно лишь наполовину! Игра в благородном смысле/.

Когда удаётся продвинуться столь далеко, круг относящихся к теме сюжетов становится все уже. Мышление же становится интенсивней. Более не требуется слишком много "материала", чтобы оставаться в рамках темы. Это происходит как бы само собой. Мышление начинает жить: воли, которая поначалу извне желала мышление, оживает в мышлении как спонтанность и преобразуется в Воление, которое позволяет мышлению как бы "раскручиваться" изнутри, при том, что это Воление становится единым с мышлением.

С этого момента упражнение протекает в радости, независимо от того, "далось" ли оно или нет. И нарушенное упражнение может быть весьма ценным; может всё-таки обретаться вышеупомянутое соединение мышления с волей во вневременном мгновении. Мало по малу человек больше уже не хочет, он делает. Это становится игрой. Человек не хочет играть, он играет. Появляется "блаженство", всё становится естественным и непринужденным. Но не следует закреплять это блаженство, оно не есть устойчивое, сохраняющееся состояние, наполняющее сознание. Вследствие этого можно было бы вновь отвлечься. Не существует — и это идеально — ничего, кроме самой темы. Единственно и только лишь о теме следует думать, а не о чём-либо типа удачи или неудачи упражнения. Не должно думать и о каких-либо указаниях по ведению упражнения. "Чем больше я замечаю, что я делаю, тем меньше я это делаю" — Концентрация приобретает свой собственный, внутренний порыв, импульс.

Успешное осуществление упражнения, собственно, не столь важно, как само упражнение. Когда взята "игровая" установка, успех приходит много раньше. Если помехи, возникающие параллельно мышлению, очень интенсивны и вышеуказанными способами не могут быть устранены, можно ограничить упражнение минимальной продолжительностью, например, одной минутой или даже лишь полуминутой. Когда понемногу начнет удаваться проводить упражнение в полной концентрации, можно будет увеличивать его длительность. — Все эти указания носят общий характер: каждый должен вынести из собственного опыта свои собственные рекомендации.

Если отвлекающие моменты состоят в уклонении от темы и никак не уходят, необходимо двигаться как бы ещё более короткими, мелкими ша-

ками, использовать короткие мысли, одну и ту же мысль мыслить, например, по два раза, — но необходимо именно мыслить, а не просто повторять.

Тот круг, в котором мысль движется вокруг и относительно взятой темы, должен быть как можно уже и теснее: пропорционально будет намного и мышление интенсивней, да и продолжительней. Подобное увеличение длительности удаётся правильно тогда, когда мыслящий отходит от словесного выражения мышления. Поначалу мышление происходит в образах слов или представлений. При интенсификации этого процесса приходят к тому, что всё больше мыслят с а м у т е м у, а не её выражение в словах или представлениях. Для словесного мышления требуется много предметного материала, мышление же остаётся застойным, т.к. оно длится лишь до тех пор, пока мыслящий как бы внутренне произносит слова, внутренне представляет определенную словесную форму. Чем абстрактнее это словесное оформление мысли, тем ярче и непосредственной проявляется сказанное. Поэтому в начале упражнений следует выбирать в качестве темы не нечто абстрактно-понятийное /добро, треугольник/, а какой-либо определенный предмет. Предмет должен быть обрисован, представлен мысленно и, где это возможно, как бы увиден внутренне, необходимо узреть его внутреннюю "сущность", так же надо рассмотреть все дальнейшие мысли, имеющие к нему отношение. Параллельно для интенсификации процесса всё более устраняются формулировки словесные. Мышление будет тем более интенсивным, чем на меньшем внешнем основании будет базироваться.

Сказанное о первой ступени упражнений можно дополнять беспредельно. Те новые познания, которые приобретаются в ходе упражнений и связаны с техникой их выполнения, можно фиксировать письменно в качестве "дополнения". Так, например, можно постичь, что поначалу, упражняющийся склонен мыслить не непрерывно, а как бы периодически, с интервалами: мыслится одна "фраза" /т.е. мотив, какой-либо момент темы, потом даётся отдых, потом вновь мыслится какая-либо следующая "фраза". Имеет место та опасность, что в ходе "отдыха" упражняющийся будет чем-то отвлечен. Необходимо попытаться непрерывно продолжать сосредоточение, однако легко перевести его на ряд нанизывающихся друг на друга более или менее бессвязных образов, и, следовательно, не представляющих собой оформленного мышления.

Есть люди более склонные мыслить образно, представлениями, другим более присуще обстрактное мышление. Можно посоветовать применять для концентрации о б а этих вида мышления, к примеру менять их че-

рез день, один раз мыслить больше в абстрактной форме, другой раз в образной. Образное мышление служит также предварительной стадией, ступенью к имажинации, абстрактное — находит свое настоящее выражение в второй стадии концентрации.

когда упражнение дошло уже до такой стадии, что проводящий его уже получил от него радость, удовольствие, оно больше не скучно, не нудно для него, и он может удерживать в себе определенное представление, не мысля о нем в слишком многих словах, тогда можно переходить ко второй половине, стадии, упражнений. Но первая стадия есть нечто совершенно цельное, и при интенсивной тренировке упражняющийся, собственно, сам собой переходит к дальнейшему.

Созерцание Идеи

Вторая ступень концентрации возникает в непрерывном переходе из первой. Именно когда появляется возможность уменьшить, сузить круг мыслей, можно сознательно саассобствовать указанному процессу. Из предмета концентрации создается чистая идея или чистое понятие, т.е. такое понятие, которое не содержит никаких элементов представления или восприятия, но есть то "Всеобщее", посредством которого и через которое мы "познаем", что все соответствующие индивидуально-конкретные объекты восприятия относятся к этому понятию.

Если, например, мы берем в качестве первой ступени концентрации стакан, то вторая ступень начиналась бы с того, что мы мысленно или в представлении как бы разворачивали множество возможных конкретных форм стакана — от кубка до чего-то типа ликерной рюмки, чтобы через это постичь Всеобщее всех этих единичных "примеров". Лишь именно эта всеобщность дает нам право все разнообразные формы, несмотря на их вариационное многообразие, все-таки обозначить как "стакан". Собственно, все мы в детстве уже имели бессознательное переживание подобного понятия или идеи. Теперь же это может произойти сознательно. Эта идея не содержит никаких элементов восприятия, так как она не принадлежит отдельным конкретным стаканам.

Теперь эта чистая идея становится темой концентрации. Само собой разумеется, что она поначалу образуется посредством словесно оформленного мышления, но как Идея она уже не являет собой ничего "словесного". Это скорее образ, но не такой, каковы образы чувственного восприятия. На данной стадии Идея и Образ суть одно, как они были едины и и з н а ч а л ь н о, а именно, при первом изготовлении, первом Сотворении Стакана как такового. Как Интуиция — Понятие и Образ, Идея

и Представление были неразличны, нераздельны. Точно также обстоит со всеми изначальными, простейшими, основополагающими "открытиями" человечества, а равно и с интуитивными познавательными актами детей и, зачастую, подростков.

Таким образом, полученная идея имеет как тема концентрации два важнейших свойства. Первое — то, что она "прозрачна", "ясно зримая" для мышления, как математическая формула или геометрическая фигура. Представление как восприятие /отдельный стакан/ никогда полностью не является проницаемым, ясным для понимания — поэтому оно есть Восприятие, а не Понятие, не Идея. Именно поэтому представление "закрывает" "замутняет" мыслительный процесс. Чистая же Идея как раз и является самим этим процессом. Второе свойство полученной Идеи то, что она никогда не бывает "готовой", из неё образуется ничего ставшего, "мертвого". Этот образ Идеи присутствует в сознании лишь в то время, пока он неуклонно формируется, образуется, "производится". Идея существует лишь в процессе созидания её изначальной нераздельности, целостности, спонтанности. Совсем иначе дано нам, существует, Представление. Его вызывает в сознании как Образ Воспоминания и лишь таким могут его наблюдать. Для этого не является необходимой та вышеупомянутая интенсивная активность, т.к. она нужна для созидания и оформлення Идеи. Чистая Идея всегда есть живое проистекание, поток мышления. Она также есть нечто текущее, имеющее характер спонтанного потока, как Свет или Музыка. Поэтому можно сказать: Тема и Мышление стали едиными. Тема не существует вне и помимо мышления. В ходе того, как сосредотачиваются на теме, созерцают одновременно и собственную мыслительную деятельность.

Необходимо концентрироваться исключительно на теме. Мысль "сейчас я наблюдаю свою мыслительную деятельность" не должна появляться, т.к. в таком случае — это уже более не мышление темы. В том, что можно наблюдать, более уже нет ничего туманного. Само собой получается, что эта концентрация есть в то же время переживание, постижение, опыт протекания мыслительного процесса. "Наблюдением" же это можно назвать лишь подразумевая, что термин "наблюдение" не исчерпывает сущности данного акта, упуская принципиальное этого акта единство, целостность. — Это — не наблюдение извне, не внеположенное противостояние. "Предметами" являются и тема и само мышление. Речь идет о переживании сейчас-протекающего, сию-моментного мышления и, одновременно, рождении собственного истинного Я или собственной духовной самости: Самодуха. Ведь тот, кто смог постичь, пережить протекание собственного

мыслительного процесса, теперь независим от этого процесса. Такое сознание не опирается, не базируется на мышлении, на Уже-Помысленном /"я мыслю, следовательно я существую"/, но может существовать как бы рядом, параллельно мышлению. Обыденное сознание /Это, Повседневное Я/ живет по милости мышления; достигнутое же теперь сознание есть источник мышления, истинное Я есмь.

В упражнениях на второй стадии можно для дальнейшего их хода брать новую тему, например, чистое понятие треугольника, круга. Для начала все-таки лучше, когда та же тема, которая была положена в основание упражнений на первой стадии, была бы взята "полностью свободной от какого-либо чувственного содержания". Тогда та сила, с помощью которой на первой стадии образовывались представления и мысли, будет сохраняться, продолжать жить в метаморфизированном виде и на второй ступени.

Переживание мышления ведет к опыту, к постижению живого мышления. Это есть Пред-мысленность, сфера, откуда происходит Мыслимое, оформленная мысль. Это сравнимо с текучестью, жидкостью, которая в ещё растворенной, не-ставшей форме несет в себе то твердое, что позже должно выкристаллизоваться. Иметь переживание этой сферы, по меньшей мере приблизиться к ней, основополагающе важно, т.к. она есть первое сверхчувственное Постигаемое, Сфера Эфирного, Человек постигает, что она не есть нечто пространственное, материальное. Это-Б м т и е ранее неизвестное сознанию, придающее ему внутреннюю абсолютную прочность, устойчивость. Потрясающее, блаженное переживание, благо которого не в том, чтобы упражняющийся ж е л а л п е р е ж и в а т ь в ходе упражнения это нечто Потрясающее, нечто Блаженное, наслаждаться им, хотя бы отмечать подобный эффект, а в том, чтобы неуклонно продолжать само упражнение.

С начала первой стадии до конца второй задача остаётся всегда одной и той же: концентрация. Всё прочее происходит, собственно, само собой, также и возможность развития второй степени сосредоточения в нечто более высокое, выхода этой второй стадии за свои пределы.

Ясно, что вторая стадия чувствительнее к отвлекающим моментам и помехам, чем первая, поскольку в её пределах тема может наличествовать, существовать лишь внутри своей собственной деятельности. Отпадает, исчезает опора на сто-либо Налично-Сущее. Поэтому сама сосредоточенность, избегание всего отвлекающего, должна быть хорошо отработана, укреплена ещё на первой стадии.

Вторая стадия к о с в е н н о влияет на всю жизнь души. С

этим становлением, актом рождения истинной Самости, чувство Это, вообще чувственность, связанная с нашим низшим Я-Это, исходящая из него и соотнесенная с ним, становятся всё более ненужными, излишними. Чувство становится свободным. Оно снова становится познающим. Оно начинает чувствовать, как Зрение видит. Воление, Волевой акт уже на первой стадии активно были включены в упражнение, приобщены к нему, теперь же они приобретают ещё большую степень чистоты и концентрированности. Собственная Воля становится ненужной, т.к. Я не нуждается ни в чём, чтобы утверждать себя: о н о е с т ь, т.е. "Я есмь". В противоположность этому Это утверждает свое наличное бытие, свое сознание, собственно, лишь из Само-Воления, исходя из Само-Чувствования, ощущения себя. Я /истинное/ не утверждает себя, как и не познаёт себя /кто должен был бы кого познавать?/, оно просто на просто е с т ь. В нем совпадают, соединяются Познание и Бытие. Это - абсолютный покой /ничто в себе покоящееся/ и, одновременно, все многообразие, всякая возможная деятельность. Оно не мыслит, не чувствует, не волит: оно просто сущее, не больше, не меньше. Поэтому оно и получает название Основного Духовного Переживания.

Когда те привычка, установка, позиция и образ действия, которые были приобретены сосредоточением, переносятся на Мир Восприятия, то можно прийти к Чистому Восприятию или, иначе, к гётевской Созерцающей Силе Суждения. То понятийное, что есть в мире Восприятия, мы получаем теперь посредством этой силы из самого Восприятия, а не через мышление, мыслительную обработку восприятия. Обычное мышление умолкает. Живое же мышление - сущее, в своей полной наличности, готовности, актуальности. Это - Космическое Мышление, Сущность Мира Восприятия. Это Реальность Мира.

Уже на второй стадии концентрации мы всё больше подходим, приближаемся к непосредственному познанию. Обычно всякое познание опосредуется мышлением, представлением, восприятием. Но, в конечном итоге, всякое познание основывается на НЕПОСРЕДСТВЕННОМ, оно есть Овнутрение, Становление Внутренним, Понимание без слов или Понятий, без знания как такового. И это есть Медитационная точка, Собственное Место Медитации.

Трудности

Может случиться, что в ходе упражнений сознание погрузится в полусонное состояние, как бы наполовину в область грёз. Когда это замечено, то хорошо было бы прерваться, чтобы начать заново и пов-

торить упражнение в улучшенном, бодрствующем состоянии, т.к. желаемое, искомое состояние сознания находится целиком и а д обычной степенью бодрствования, в ы ш е неё.

Может происходить и то, что при образных представлениях предмет концентрации начинает "жить", т.е. движется, преобразуется, меняет свой цвет, становится "красивым" или "отталкивающим". Это последний раз характеризует то, что п р е д м е т живёт. Упражняющийся не сообщает ему движения, он лишь наблюдает те изменения, трансформации, которые предмет претерпевает независимо от него. При концентрированном, пронизательном внимании всегда можно найти, что, хотя предмет и представляли образно, но это представление было как бы неподвижно закреплено перед нашим мысленным взором. Хотя предмет не был дан физически-зримо, мы "наблюдали" его в представлении, но не мыслили о нём активно. Направленное же на представление внимание становится неподвижным и в сравнении с мышлением пассивным. Когда неподвижное внимание достаточным образом сосредоточено, тогда воля, сконцентрированная во внимании и, вследствие того, обреченная на пассивность, переходит в образ предмета. Образ посредством этого пробуждается к жизни. Описанный случай представляет собой своеобразный отвлекающий момент: мы пассивно созерцаем ставший от нас "независимым" предмет. Однако мысли и представления должны непрерывно активно созидаться из нас самих.

Другая трудность уже была упомянута: с трудом удается освободиться от воспоминания об уже однажды проделанном, протекшем ходе мыслей, и сама концентрация преобразуется из-за этого в воспоминание. Ясно, что и это отвлекает: причем, данный момент особенно вредоносен в начале упражнения. Появляется склонность изменить тему, однако вскоре то же самое происходит и с новой темой. Поэтому предпочтительней оставаться при "наскучившей", старой теме, и, начав с "азов", преодолеть трудности. Степень сосредоточения полностью незавичима от новизны или старости темы, всё удаётся как раз лучше, когда мысли уже известны. Но они не должны быть взяты из памяти. Совет отключать память, забывать Уже-Помышленное, дать легко, но выполнить его трудно.

В начале упражнений нелегко удаётся осуществлять, сохранять полное, нерассеянное внимание. Мы требуем от нашего внимания как бы чего-то необычного: оно должно быть направлено, иметь дело с тем, что ему неинтересно. В этом случае нужно в о л и т ь, ж е л а т ь этого внимания, оно должно быть призвано волевым актом. Так может получиться, что мы будем чувствовать в себе как бы два

субъекта: один - внимателен, другой - желает, волит. Здесь часто воспоминание вредит, мешает "волящему субъекту", т.к. ему легче удаётся вспоминать, нежели думать.

Проблема по сути такова: как начинать, если это ещё не доставляет никакой радости? Нужно волеить, но это волеие уводит от конкретных действий. Как становятся единым волеие и актуальное действие? Как можно слить воедино "два субъекта"? Начинанием можно перед началом как бы "включать" ожидание: мы усаживаемся и ждём, пока улягутся всегда присущие душе беспокойные движения и порывы. После чего во всей остроте встает перед нами проблема: "Должен ли я это делать, или я не должен этого делать?"; и тогда мы попросту обращаемся к теме и начинаем упражнение. Но в случае, если вначале все-таки является эффект "двух субъектов", мы не начинаем. Подобное "не-начинание" может повториться несколько раз, затем, чаще всего, дело идёт лучше. - Другая возможность состоит в том, чтобы устно передавать какому-либо воображаемому лицу последовательность мыслей в ходе сосредоточения. Это замедляет мышление по меньшей мере до скорости говорения, речи. Помимо того это содействует забыванию "двух субъектов" и соединению Волеия и Действия.

Присутствие двух субъектов в основе своей означает, что в действительности мы не мыслим. Точнее: мы тогда употребляем тот вид не-мышления, который именуется обычным мышлением, т.е. мы мыслим о чём-то, а не это само. Обычно мы мыслим не сам предмет а лишь думаем о тех мыслях, которые были нами уже ранее образованы об этом предмете. Или, иначе, мы мыслим об уже однажды образованных представлениях вместо того, чтобы впервые образовать их в данный момент. Мы не осуществляем Бытие в самом Предмете, мы мыслим об образе в представлении: точнее, мы вызываем представления, мысли о предмете в нашей памяти. Мы не стоим предмету / теме /. В крайнем случае так можно дойти до пустого словоизлияния: призывания в воспоминании пустых слов.

Действительное мышление есть совершенное единство простого мышления и того мышления, которое едино с волей, мышления-волеия, так что двойственное наличествование не может иметь места. Речь идёт не о повторении представлений и мыслей, взятых из памяти, но о становящемся новым мышлении, независимом от того, новы ли конкретные мысли или нет. Даже, если они уже были в мышлении, они всё равно могут быть мыслимы с той же интенсивностью и исключительным

вниманием, как и в первый раз. Когда мы говорим о мыслительном сосредоточении, то имеется в виду действительно и актуальное мышление. Можно было бы сказать, что человек задерживается, длительно находится в состоянии "Понимания"; здесь не может идти речи о каком-либо повторении, подобном воспоминаниям. Это — длительное живое бытие в самой теме, Сверх-Возможное, тождество с ней, стоящее над всеми реальными возможностями. Человек понимает, чем, собственно, является мышление, в чём его отличие от пустого вызывания в сознании уже прошедших, имевших место мыслей и представлений.

В случае, когда упражняющийся преодолел начальные трудности, связанные с волевыми моментами, он может избежать превращения темы в нечто скучное, нудное, тем, что проводит концентрацию в образах представлений / а не в форме абстрактных мыслей / и таким образом продлевает протекание этого процесса. Для такого образа действий не требуется слишком много "материала". Это удастся тем быстрее и будет длиться тем дольше, чем более детально будут разработаны образы представлений / например, чем более конкретно и раздельно будет представляться каждый отдельный зубец расчески /.

Чтобы характеризовать необходимую для концентрации Волю, волевые моменты, можно привести следующий образ: представим себе состояние полной физической усталости. Исходя из наших жизненных сил мы не способны к каким-либо занятиям, волевым актам. Мы лежим при этом неподвижно. Но если мы все-таки обязаны что-либо сделать, то вкладываем в это действие какую-то определенную Волю. Э т а воля исходит ведь не из нашей телесности, т.к. её /телесности/ потенции полностью исчерпаны. Подобную волю вкладываем мы и в концентрацию /равно как и в любую эстетическую деятельность/ : само собой разумеется, без такой предпосылки как физическое истощение.

На первой стадии упражнения успеху концентрации очень может способствовать изначала проведенное ограничение круга моментов темы, рассматриваемых в ходе упражнения : не следует вовсе выходить за пределы этого круга. Например, можно ограничиться: 1. Формой и Цветом. 2. Изготовлением. 3. Функцией /Применением/. С этим последним третьим моментом совершается переход на вторую ступень, т.к. функция, по преимуществу, не есть принадлежность лишь одного индивидуального предмета.

Самонаблюдение на обеих стадиях концентраций есть опасный отвлекающий момент.

В случае, если вредоносное воздействие помех, исходящих из

вниманием, как и в первый раз. Когда мы говорим о мыслительном сосредоточении, то имеется в виду действительное и актуальное мышление. Можно было бы сказать, что человек задерживается, длительно находится в состоянии "Понимания"; здесь не может идти речи о каком-либо повторении, подобном воспоминаниям. Это — длительное живое бытие в самой теме, Сверх-Возможное, тождество с ней, стоящее над всеми реальными возможностями. Человек понимает, чем, собственно, является мышление, в чём его отличие от пустого вызывания в сознании уже прошедших, имевших место мыслей и представлений.

В случае, когда упражняющийся преодолел начальные трудности, связанные с волевыми моментами, он может избежать превращения темы в нечто скучное, нудное, тем, что проводит концентрацию в образах представлений / а не в форме абстрактных мыслей / и таким образом продлевает протекание этого процесса. Для такого образа действий не требуется слишком много "материала". Это удастся тем быстрее и будет длиться тем дольше, чем более детально будут разработаны образы представлений /например, чем более конкретно и раздельно будет представляться каждый отдельный зубец расчески/.

Чтобы характеризовать необходимую для концентрации Волю, волевые моменты, можно привести следующий образ: представим себе состояние полной физической усталости. Исходя из наших жизненных сил мы не способны к каким-либо занятиям, волевым актам. Мы лежим при этом неподвижно. Но если мы все-таки обязаны что-либо сделать, то вкладываем в это действие какую-то определенную Волю. Э т а воля исходит ведь не из нашей телесности, т.к. её /телесности/ потенции полностью исчерпаны. Подобную волю вкладываем мы и в концентрацию /равно как и в любую эстетическую деятельность/: само собой разумеется, без такой предпосылки как физическое истощение.

На первой стадии упражнения успеху концентрации очень может способствовать изначала проведенное ограничение круга моментов темы, рассматриваемых в ходе упражнения: не следует вовсе выходить за пределы этого круга. Например, можно ограничиться: 1. Формой и Цветом. 2. Изготовлением. 3. Функцией /Применением/. С этим последним третьим моментом совершается переход на вторую ступень, т.к. функция, по преимуществу, не есть принадлежность лишь одного индивидуального предмета.

Самонаблюдение на обеих стадиях концентраций есть опасный отвлекающий момент.

В случае, если вредоносное воздействие помех, исходящих из

окружающей обстановки, слишком трудно устранить из сознания, может быть весьма полезным, если мы направим внимание на шорохи, шумы тишины. В полной тишине эти шумы хорошо различимы, едва слышимый звук, вызываемый в ушах циркуляцией крови. Когда мы прислушиваемся к этим шумам, прочие помехи перестают вредить нам, т.к. такая помеха есть самая тихая и самая внутренняя из помех. В случае удачи остаётся устранить лишь эту единственную помеху посредством переключения внимания с неё на самое темное место концентрации. Восприятие шумов тишины есть пункт, через который необходимо пройти для укрепления, обеспечения безмятежного, ничем не нарушаемого бытия.

У. ГРАНИЦЫ ДУШИ

О человеческом образе, об олицетворении человека спрашивают: Что такое человек? Таким образом поставленный вопрос ложен, а ответ по отношению к человеку неизбежно становится неудовлетворительным. Ибо человек есть сам вопрошающий, а потому он — Кто-то, а не Что-то. Вопрос может звучать лишь следующим образом: Кто такой человек? Ответ должен прийти непосредственно из самого этого опыта: Человек есть вопрошающий, человек есть отвечающий на вопрос.

Никакое другое существо вопросов не имеет, только человек. Существа природы, камень, растение, животное, вопросов не задают; впрочем, животное обладает ответом заранее, до того, как возникнет вопрос: поэтому на самом деле это и есть ответ. Не задают вопросов животному, оно может только реагировать. Человека спрашивают, поставив его под вопрос, подвергнув его сомнению. О ком? О самом себе. Мир сомнителен ему, а из-за этого он и сам себе сомнителен. Давать ответы — это не значит реагировать.

В задавании вопросов, в ответах на них он становится человеком. Человек является т о т, кто свои притязания осуществляет в задавании себе вопросов, в ответах на них. В понимании вопроса он — человек: иначе нет вопроса. В понимании ответа он — человек: иначе нет ответа. Но и непонимание, безответность также присущи человеку, это исключительно человеческое, исключительно по-человечески. Говорит ли он, молчит ли, понимает ли он, не понимает ли: даже в отрицании своей человечности: он всегда человек.

Поскольку высшее существо наличествует как человек — а всё не человеком сотворенное свидетельствует о познании и познанном бытии — все эти не человеком сотворенные существа должны всецело находиться внутри самой сферы познания: иначе они были бы людьми. У этих существ вопросов нет: они могут подниматься лишь от сферы познания к сфере более ясного познания или углубляться от света к более яркому свету. Мрак вопроса и удача ответа ведомы одному лишь человеку.

У человека есть свой мир, он находится в своем мире. Все, чем он не является, составляет его мир. Это всегда мир, который он познал. Временный мир, однако думает он не над этим. Мир для него уже достаточно прочен, противостоящее ему — объективно. Внутренняя структура вопросов обуславливается тонким характером бытия, неразрывно связанным с э т и м миром /20/. Так как человек является т е л о м, мир дается ему посредством органов чувств. Так как он — д у ш а, благодаря миру в нем поднимается радость, страдание, симпатия, ненависть. Так как человек суть д у х, он познает мир. Познание — более чем субъективное чувство: т а к о в Мир. Тело для души: это мир. Мир как

которые действуют в душе, ибо душа может познавать мир.

Когда душа говорит, говорит дух через душу.

Когда душа молчит, молчит дух через душу.

Душа есть сумеречная пелена духа.

Гераклит говорит: Границы души - идя и все пути пройдя - не отыскать тебе -таков бездонный логос у неё. Он сказал также: у души есть логос, который сам себя вращивает, расширяет. О логосе он говорит так: хотя логос и представляет собой нечто единое, общее, многие живут так, как если бы они обладали собственным мышлением. То, с чем они постоянно в большинстве случаев приходят в соприкосновение, с логосом, с которым они находятся в разладе, и то, обо что они ежедневно спотыкаются, кажется им чуждым, посторонним. Ибо все происходит сообразно логосу...

Границы души суть границы познания. Если бы душа была совершенно без окон, то не было бы познания, и она также не была бы душой, так как она не могла бы себя распознать, выделить, отличить. Но где имеются границы и окна, там есть предрассветный полумрак и утренняя заря, там есть чувствительность, а также и восприятие, замечание чувствительности. Так как её замечают, то она не является чувствительностью животного. Она может быть органом познания, но она может служить и для ощущения себя.

познаваемое или познанное для души: это мир. Душа познает тело как тело, саму себя посредством сил познания, силами духа, которыми она обладает. Дух, познавание она также может познавать посредством этих сил. Однако это последнее становится скрытым как раз вследствие применения сил познания: они проливают свет на познанное; для того чтобы всплыть на свет, выявиться самому познанию, при этих обстоятельствах должен присутствовать кто-то, для кого это возможно.

Структура вопроса обуславливается тем, что душа не дух и не познание. Как душа она суть как раз то самое, что не - познает, хотя она и обладает возможностью познания: духовными силами. Она не - мир; мир всегда познан - душа есть то, что отделено от мира. Само отделение, не - познание, граница мира: это и есть душа. Границы души: это она сама. Мрак, стало быть.

Не совсем тьма, не совсем свет. Мрак, где может пролиться свет, однако такой мрак, который защищает собственные границы. И в игре света и тьмы восходит, открывается красочный мир: в игре чувств /слуха/ и глухоты открывается звучащий мир. Душа есть вопрошающее, душа есть отвечающее; силы вопрошания, силы ответа суть силы духа: силы погоса. Силы, которые воздвигли мир, ибо он познаваемый мир. Силы,

Иметь границы означает: иметь поверхность; означает чувствительность, означает изъявление потребности охватывающего движения, сопровождаемого потиранием. Ибо поверхность ощущает поверхность через трение, посредством потирания одной о другую. Это ощущение себя, это не познание.

Познание есть чтение, чтение в физиономии познанного, это не потирание, не трение. Поверхность здесь должна быть для того, чтобы познавать, с тем, чтобы познание было неизбежным, и чтобы было познающее, но познание происходит не посредством поверхности.

Душа может познавать, но она хочет ощущать себя на поверхности. Поверхность есть граница мира. Прилипание к поверхности есть прилипание к миру: защита поверхности, стремление к миру, желание мира: желание за желанием, вожделение за вожделением.

Радость и страдание суть реагирование поверхности. Она служит для ощущения себя. Огорчение душа может вывести ещё как результат следование желания за желанием. Границы, прилипание, вожделение и страдание, чувствование себя и желание чувствовать себя: это и есть душа. Это — собственность души: это — "своё". Следует думать о заблуждении души, если она допускает это, эту собственность. Необходимо только, чтобы она неторопливо принялась искать того, кому это всё принадлежит.

Первый ответ души: я — тело. Она чувствует себя телесно связанной. Она узнает о своей зависимости от тела. Но там, где она знает о зависимости, она должна быть независимой. Иначе она не заметила бы зависимости, они бы всегда или друг с другом нераздельно. Где-нибудь она должна быть автономной, иначе она не могла бы аргументировать свою зависимость.

Когда ты открываешь только рот для высказывания: это демонстрация независимости. А когда ты молчишь, это равным образом молчание по собственной свободе. Человек не свободен, но он знает об этом, и в этом он свободен. Если бы он был совсем несвободным, он не мог бы об этом знать. Если бы он был совершенно свободным, он не был бы знаком с отсутствием свободы: он не заметил бы и свободы; он не был бы свободным.

То, что тело есть, является констанцией души. Некоторое познание души посредством духа. И душа и дух являются познаниями, опытом духа в душе.

Душе может броситься в глаза, что она смотрит или мыслит или воспринимает: познает. Она может обращаться к силам познания. Силы познания не могут происходить из познанного мира — из малого мира.

где самопознание не происходит, где нет реальности. Это наша обычная картина мира, наш обычный взгляд на мир, наш обычный образ мира: конкретного, объективного — однако познание в нем не является реальностью, так как этот образ, эта картина воспроизводит уже познанный мир.

Познание о д н а к о е с т ь : иначе не присутствовала бы картина мира. Познание — в мире, иначе где же следовало бы ему быть? —: э т о — мир, большой мир, где познание имеет свое место. Но поначалу человек знает лишь малый мир: свой мир.

Силы познания душе не известны. Она применяет их, не ведая, откуда они приходят. Ибо становится осознанным лишь познание: помысленное, воспринятое. Само познание следует впереди: предшествует осознанию познания. Сознание возникает вместе с познанным, благодаря познанию. Понимание в конечном счёте всегда есть непосредственное понимание: после длинных рядов посредничеств, содействий, метаморфоз однажды все-таки становится понятным: после последнего посредничества. Это могло бы мыслиться, если бы силы познания были безличными силами, в случае, если бы из безличного мира пришла интуиция — интуиция идей. Первая интуиция самосознания однако есть интуиция: Я. Лишь з а этой интуицией приходит самосознание. Таким образом источник должен быть индивидуальным. Интуиция понимает саму себя, ничего иного; лишь позже она вновь познает себя в чем-то ином — в таком случае это уже не иное. Таким образом источником является Я — е с м ь.

Сознание не просматривает себя, оно для самого себя непроницаемо. Оно несамостоятельно, не автономно. Когда мы пробуждаемся, то его мы не делаем: после того, как мы пробудились, наше сознание, присутствует. Не сознание вызывает пробуждение. В каждое мгновение душа питается духом, которого сначала она не знает. Дух не знает себя: он суть само познание. Источником познания является духовная самость. Лишенная границ.

Прообразом является познание. Оно присутствует лишь благодаря самому себе. Отсюда: оно суть существование, оно суть понимание. Абсолютная прозрачность. Все, что мы знаем, все, о чем мы знаем, познано. Прообраз означает: дух.

Что душа познает, тому она и предоставлена, предана. В преданном бытии о самой себе она ничего не знает. В не-познании она пробуждается. Сон — в преданном бытии, в понимании: бодрствование, бытие в самой себе, сознательное бытие; в самосознании. Тот, кто мыслит, есть Я; тот, кто помыслил, есть душа. Она колеблется, осциллирует

между познающим сном и непознающим бодрственным сознанием. Поэтому у неё нет настоящего.

Что осознано, то прошло. Бытие преданное миру – суть бытие преданное телу. Однажды в детстве – душа отождествила себя с телом. С того времени, как она сказала телу "Я" – эта интуиция открылась ей в том мгновении, в котором она привязала себя к телу, что построено и строится этим Я, но что не является им – для Я это собственно нечто иное. Присоединение к телу препятствует самоотреченному бытию в мире. Силы познания души – это оставшиеся силы познания, остаток. Так возникает внешнее, внутреннее, границы, сама душа. Одевание. В каждом мгновении душа спит, душа бодрствует.

Автономия, независимость души лежит в её духовной силе, в силе внимания. В большинстве случаев внимание поставлено на службу желанию чувствовать себя, но душу может удивить то, что у неё есть сила внимания. Она может волить эту силу, излить её посредством воли, в себе, без предмета, как чистую силу, как возможность, как готовность.

С концентрацией силы начинается, улавливается нечто, что является неважным и неинтересным. Внимание на такое представление можно повысить до неограниченного. И даже появляются рассеянные силы, обыкновенно протекающие всегда между строк жизни /21/, Сперва на неважном, затем на некоторой чистой идее, внимание сосредоточивается и в конце концов появляется безо всякого предмета. Внимание отнимается телом – также и телесная боль может исчезать при сосредоточении на чем-то другом. Душа переживает внимание безо всякого предмета: этим она испытывает саму себя опытным путем, без посредничества "чего-либо". Без прошлого она становится настоящей, лишенной помысленного, воспринятого: чистым пребыванием, впервые: жизнью.

Потребность движения прекращается: внутренний морской штиль. Душа познает ядро своей сущности: духовную самость. Источник познания: она сама становится им. Чтобы быть, ей не нужны больше границы.

Первой границей является помысленное /22/, отраженное сознание. Мертвое, ибо отраженное: абстрактное, ибо мертвое. Жить в мышлении вместо того, чтобы жить, умирая в помысленном; испытывать понимание вместо одного лишь понятия: это и есть самопознание. Обыкновенно все остается помысленным. Мыслится либо "дух", либо "материя": будучи помысленным, это становится одним и тем же. Первая граница суть граница помысленного: граница жизни. Поэтому жизнь человеку незнакома.

В с е пути пройдя, идя путями познания, ты не найдешь границы души. Так глубок у неё логос. Но душа должна подступить к своим границам с тем, чтобы эти границы скрылись, исчезли. Границы мира всег-

да находятся в душе /22/. Постигая на опыте саму себя и логос в ней, она становится большой, значительной посредством самой себя. Возникает то, чего ещё нет, душа становится духом, или дух становится душой: человеком.

Истина есть устранение забвения - восстановление того, что существует всегда, только скрыто границами, душой.

Истина есть событие, образ действий, практика: она не может быть собственностью, так же мало как и музыка. Что есть Истина?

Путь есть истина, жизнь есть истина.

Осуществление и обнаружение. Никакого другого ведения не существует. Тот, кто спрашивает, тот не в истине. Его вопрос есть истина, скрытая. Сама постановка вопроса, само спрашивание. Истину нельзя доказать. Истина не нуждается в доказательстве. Истина светит. Последняя истина есть улыбка между богом и человеком, между божественностью и божественностью.

VI. О ТАЙНЕ ВОСПРИЯТИЯ

Мир — это непременно увиденный мир. Без зрения нет ничего увиденного. Без видящего нет никакого зрения. Этого должно бы собственно быть достаточно, чтобы познавать "малый мир" /микрокосмос/ как наш мир. Но у обыкновенного сознания это познание отсутствует. Этому сознанию кажется, что просто-напросто присутствует "тут", может быть не совсем так, как он нам является, но во всяком случае присутствует **н е з а в и с и м о** от нас. Как познающие для этого присутствия мы не нужны. Что "есть, существует, присутствует" нечто, не являясь познанным, в этом главное суеверие нашего времени обнаруживается с одной стороны. — С другой стороны это суеверие углубляется так называемым идеализмом. Он утверждает, что вся картина мира представляет собой исключительно продукт сознания. А под сознанием подразумевается обыкновенное сознание. Именно то, что возникает лишь **в с л е д з а** воспринимаемым, образуется **в с о о т в е т ч т** — **в и и** с мышлением.

Действительно, в сознании появляется образ: стало быть уже не сам мир. Реализм обходит эту трудность сравнением с отражением: образ в сознании представляет собой объективный отраженный образ объективной действительности. Кант формулировал радикально: то, что мне известно, находится уже внутри — знать непосредственно о внешнем я ничего не могу.

Однако обыкновенное сознание соображениями философов не интересуется. В соответствии с ощущением для людей, лишенных рефлексии, мир в своей форме проявления является прочной, непоколебимой объективностью, независимой от познания. И мыслями это ощущение изменить нельзя: мир — образ должен быть дан сознанию как-то так, чтобы проблема вообще стала проблемой, допускающей обсуждение. Это ощущение принадлежит сознанию, собственно говоря, формирует обыкновенное сознание. Никакой ход мысли не в состоянии потрясти его. Благодаря акту сознания картина мира присутствует не подлежащим изменению образом, отменяет прочь все пустые разговоры о сотворяющей образ деятельности обыкновенного сознания. По отношению к образу мира, к картине мира это сознание бессильно. Может произойти точное или неточное отражение: заложить себе основу того или иного оно не в состоянии. Это отражение, это сознание во всех своих движениях, проявлениях, порывах зарождается и возникает из предсознательного — в котором оно коренится. Оно не переживает своего собственного зарождения и возникновения, не переживает никаких творческих проявлений, порывов. Лишь задним числом оно может фиксировать результаты предшество-

вавшего.

Пока я сплю, этот мир для моего сознания не существует. Мир отступает, гаснет вместе с моим сознанием: оба события неотделимы. И если я пробужден, то могу обнаружить, что во время моего сна "кто-то обеспечил продолжение, непрерывность моего сознания. То же самое можно сказать о непрерывности картины мира. Она также была сохранена. Таким образом, где уходит и приходит сознание, там всегда одновременно уходит и приходит картина мира. Одно из двух не предшествует другому.

Раз я мыслю о пробуждении, значит я могу сказать, что моё сознание объективно, т.е. существует, живет независимо от меня. Предшествует то, откуда после сна всплывает, появляется сознание. "Сознание" наступает, пробуждается лишь после этого.

Но сон и это появление случается также и во время бодрствования. Воспринимая цветок своим вниманием я всецело нахожусь в нём: я - цветок. Я не мыслю, что я - цветок; но смотрю, вижу, мыслю цветок. Потому я и есть цветок. Затем я пробуждаюсь и говорю: там - цветок. Или: я вижу цветок. Я вижу его не теперь: я знаю, что я его видел, что он там. Но я - тут нахожусь в самом себе. Я бодрствую, я - в своем сознании. Но пока воспринимая я находился в цветке, моя непрерывность была сохранена подобно тому, как это происходит ночью во сне. Я могу возвращаться.

Мышление я ощущаю как деятельность, при которой я нахожусь всецело при ней. Это ощущение - лишь видимость, иллюзия: обычно я вовсе не переживаю мышление, - но только помысленное. И в мышлении я постоянно касаюсь сферы сна. Откуда приходит помысленное, откуда подходит диалектика? Существует неосознаваемая сила первоисточника: логос во мне. Однако, где эта сила или движение, которое вызывает эту силу, приходит к состоянию покоя, точно там моё сознание пробуждается. Само собой видно: тут находится, представлено помысленное. Едва ли случается, чтобы я увидел этот источник непосредственно. В этом редком исключительном случае он предстает в качестве незнакомой, чуждой инстанции. Ибо, где в результате эта сила исчезает, прежде всего там мое самосознание является родным, внутренним. Как раз вместе с её затуханием, прекращением действия всплывает моё сознание. Эта вспышка выявляет двойственное событие. Перед самой силой я не мог бы устоять: она уничтожила бы, разрушила меня как собственное, личное существо.

Течение в сфере сознания, из которого истекая, струясь, появляется моё мышление, которое заканчивается, замирает в помысленном, я обобщаю: внутреннее. Течение, из которого подобно некоторому

предчувствию, предвидению, догадке вытекает интуиция, осуществляющая помысленное, я обобщаю: внешнее. В восприятии я ощущаю себя пассивным. Несмотря на то, что образы восприятия появляются несомненно "внутри", я испытываю, ощущаю в себе эти образы так, как если бы они возникали без моего участия. При этом ощущении необычности, чужеродности неизменно то, что каждый образ восприятия проткан, сплетен понятийным, мыслительным, т.е. одновременно и помыслен. Ощущающаяся пассивность приливает этим образам ощущающуюся объективность. Благодаря этому мир восприятий является, предстает божественным, внушенным сверху - подобным божеству. Он кажется существующим без моего участия: независимо от меня. Моё самосознание возникает только благодаря тому, что я могу отойти, отстраниться как от восприятия, так и от мышления и убедиться: я воспринял, я помыслил. Я могу отойти ото всякого предоставленного мне бытия. Я вспоминаю о свершениях, об осуществлении, которые я обнаруживаю лишь благодаря их результатам. Я предчувствую, предвижу их лишь за кулисами воспринятого и помысленного, которые появляются на сцене моего внимания.

Все до сих пор изложенное, исполненное, осуществленное есть познание. Не существует ничего, что присутствовало бы для нас без познания. Вначале имеется познание. Ничего изначального в качестве источника всего высказанного о восприятии и мышлении дать нельзя.

В то время как современный человек забывает собственную роль в мышлении равно как и при восприятии, в этом отношении он ведет себя иррациональным образом. Это забывание невинно - непредвиденно. Если бы человек отказался, отрекся от этого забывания, тогда перед этим отречением он пролонгировал бы, продлил всю свою картину мира, чтобы изменить таким образом культуру, стало быть, общественное устройство. Но прежде всего: он должен был бы измениться сам. И поэтому само познание к миру реальностей он не относит. Как раз тот элемент, благодаря которому он познает реальности!

В поисках объяснения восприятия психолог и физик разыскивают "носитель", который сам по себе не видим, не осязаем. Этим самым они ведут себя логически. Процесс восприятия опытным путем испытать нельзя: поэтому он мог бы привести всегда только к новым, дополнительным восприятиям. Этим исследователь хочет избежать. Он не замечает, что его непосредственные, неосязаемые, невидимые принципы, основные начала/волны, колебания, фотоны, нервная проводимость и т.д./ становятся осознанными также лишь благодаря восприятиям, а именно благодаря сложным и претенциозным восприятиям, таким, как те, которые он хочет объяснить.

Человеку трудно понять то, что мышление, восприятие произве-

дят впечатление всегда непосредственно. Реальность духа господствует в непосредственном познании, без "незнакомца, чужака" -носителя. Познание не может быть отнесено к чему-то, что непознаваемо. Каждое объяснение познания предполагает, имеет условием, само это познание. -Вопрос скорее звучит так: что затрудняет нас в рефлексивном осуществлении познания?

Границы души препятствуют, границы души делают возможным познание. Душа ставит себя между миром и духом. Порой между духом и духом. Таким образом она устанавливает границы. Единый поток познания прерывается, раздваивается. "Изнутри" всеобщие мировые свершения являются как мышление, "извне" как восприятие. Проявление мыслительного, понятийного духа выделила - "вычленила". Из этой части, из этого элемента она построила внутренний мир. В этом идеальном космической жизни творило изначальное. Не биология, а волны, вали жизни большого мира. Когда космос "прорвался к действительности", из чувства и воли родились, взошли изначальные силы познания, строительные камни для переживания границ души. Инстинкты только скользят по поверхности мира, без внутреннего раскрытия его сущности. Испытывая возжелание, помогаясь и ощущая отсутствие недостающей части, она ощупывает поверхность мира. От космоса человеку остается воспринимание. Границы души все же не заключают эту душу в тюрьму, они не без окон. Органы чувств пронцаемы: всякое чувство, ощущение мира струится, льется через органы чувств. Органы чувств не познают - они не оказывают сопротивления. Они самоотвержены, не делаются при восприятии действительными. Познает душа. А для того, чтобы пережить себя в восприятии, она ослабляет, доводит струящуюся через органы чувств жизнь почти до состояния полной безжизненности. Это ослабление жизненности происходит неосознанно. Таким образом она узнает: там - мир, здесь - я.

По другую сторону душа постоянно загоразивает себе доступ к миру интуиций посредством всего помысленного. Так как для самого себя сознание существует лишь наряду с помысленным. Через органы чувств в душу непрерывно течёт поток интуиций. Отсюда и "чуждость" образов восприятия. Также и восприятия обрабатываются мыслительным образом, становятся помысленным. Восприятий, в их духовной полноте, человек не выдерживает также, как и космически-жизненное мышление. Этот изначальный всеобщий мир в скопированном душой облике "отдаляется, отчуждается".

Если бы в самоотдаче миру внимание души при восприятии постоянно не прерывалось благодаря чередованию самоотдачи и самостнос-

ти, то теоретически существовало бы восприятие совершенного познания. "Объяснение" восприятия посредством мышления не было бы необходимым. Внимание души всегда разделено, расчленено между миром и собственной телесностью. "Чистое" восприятие означает также искусство воспринимать независимо от тела. Независимо от участия органов чувств, зависимость основана на залипании души на телесности. Органы чувств поддерживают отношения человека и мира. Возникший вначале образ представляет собой негатив того, что господствует в восприятии. То, что в восприятии мы лишь частично переживаем это сопричастие к миру, зависит от души, которая стережет свои "границы". Вследствие потребности чувствовать саму себя, из этого переживания - причастия рождается только один результат... Воздействия стало быть на нервную систему, на дыхание, на обмен веществ. В противоположность этому приобретенное в "отсвечивающем, отражающем" сознании познание сопровождается тонкими изменениями этих систем. Благодаря этому идет космически-исполненный жизни процесс, акт познания, ценность и значение чувства и воли утрачены. Из первоначальных сущностных форм имажинации, инцирации и интуиции получается абстрактное представление, эгоистическое чувство самого себя и темный инстинкт.

В чувственном восприятии человек пассивен - вещи сами приводят к возникновению своих представлений. В этой пассивности просыпают непрерывное отождествление мира и человека, как бы сквозь сон пропускают факт этого процесса. В высшем познании человек активен и бодр, деятелен. Таким образом, в имажинации само движение, которое в "возникновении и формировании" чувственных образов действует обычно предосознанным образом, становится осознанным. Поэтому "объективный характер образов, их божественная данность становится скрытой, исчезает, осуществлении самосотворенных образов сознание становится "активным". На самом деле следует движение исполненного жизни мышления. Поэтому эти образы "живые, полны жизни". Познающее более не стоит известным образом "напротив, перед". Напротив обычно стоит эго-сознание, которое овладело результатом неосознанной деятельности. Через чувства катит волны, вздымается в своей деятельности космически-исполненное жизни мышление, ч у в с т в о "большого великого, возвышенного мира". Если бы человек был способен принимать, вмещать в себя и усваивать это откровение, тогда ему не пришлось бы думать, что сообщают ему органы чувств.

Органы чувств суть органы познания, лишённые осознанной мыслительной деятельности. Чувства выявляют для себя непосредственно "чувство". То, что затем дает мышление, необходимо для души. Непосредственное познание в этом чувстве есть равным образом и исполненное

жизни мышление. Если все это производится по отношению к чувственному восприятию, то мы имеем "чистое восприятие".

Познавая, человек связан с миром таяким образом: через имагинацию, инспирацию, интуицию. Все три рода сопричастности могут омрачаться. Образная действительность имагинации распадается на обычное восприятие и представление. Телесным носителем распавшейся сопричастности является нервная система, — действующая как связь инспирация становится эгоистическим чувственным переживанием. Носителем в человеке служит ритмическая система. Если бы дыхание было самоотверженным, мы слышали бы гармонию вещей. Переживающая существо интуиция становится обычной волей. Её несет система обмена веществ. — В каждом переживании души: в мышлении, в чувствовании и волеии ощущается переживании обычного Я.

Путь современного обучения состоит в том, чтобы освободить это душевное движение от неизбежности эгоистически связывающего переживания самого себя. Это для неё возможно лишь в том случае, если она никогда не оставляет принцип познавания. Поэтому обучение начинается с обучения мышлению. Посредством мышления обо всем судят так: каждый выбор, каждый исход происходит посредством мышления. То, что совершают мысля: становится образцом для претворения всех других способностей души. В повседневной жизни представление, чувствование и волеии предстают лишь соотносенными к некоторому предмету. Современное обучение хочет посредством практики развить эти способности таким образом, чтобы они могли существовать "беспредметным образом". Выраженное иначе звучит так: эти способности уединяют, отстраняют от своих предметов. Это возможно лишь в том случае, если одновременно этому деятельно Я, которое не должно переживаться так, как это переживается субъектом в предметах. Предметность мира, а сней и субъективность познающего, эта взаимная зависимость снимается, устраняется. В отправной точке практического занятия предмет является поводом к тому, чтобы пережить свободное движение. Тем самым получается опыт того, каким образом предмет и деятельность становятся одним. Так же: что деятельность собственного духа одновременно представляет собой облик духа.

Можно теоретически понять, что познавание входит в состав мирового целого, что оно не происходит, не протекает за пределами мирового свершения. В переживании духовного тождества свершения с видением, помысленного с мышлением теоретически вывод становится исполненным жизни опытом. В медитативном переживании мышления исполненное жизни идеальное сгущается, уплотняется в образ: становится идее-образом. Медитативное переживание восприимания вовлекает, втягивает идеальный

процесс в образ восприятия: этот процесс становится протекающим сквозь образ процессом.

Замкнутые, завершённые в готовом состоянии и неподвижные стоят вещи перед сознанием. Кажется, что они должны "быть" должны "существовать" независимым от познания образом. Сознание, однако, может пробудиться. Оно может достигнуть поворотного пункта, в котором собственное начало и появление всего данного происходят одновременно, совпадают: Достигается вырванное из сознания и бытия изначальное единство. Этот поворотный пункт становится источником надсознания, которое обозревает обе половины мира. Для медитативного одухотворенного сознания не существует вещи, которая была бы с ним разобщена, отделена от него мысленным.

С грехом Петра: забывать, что сделал - прорастает, зарождается грех Иуды; предательство. В традиционных культурах для собственного образа жизни необходимости развивать сознание не было. Тождество самого себя и мира было ещё несокрушимым. Проблема автономии, самостоятельности явилась лишь для современного сознания. Осуществляется зарождение тотальной автономии в физически-математическом мышлении, которое господствует в магии предметного мира. Это современное мышление бросает свет на все - но оно не приносит света для создателя этого света! Причина, корни его деятельности погружены в сверхчувственную действительность мира. Если этот шаг в направлении к собственным источникам не происходит, тогда оказывает воздействие власть дьявола, сказывается в несвободном в этом отношении сознании. Она принуждает лишь применять мышление. Одно лишь применение мышления творить грех: мышление отражается от своей духовной сущности. Оно сводит самого себя к чему-то внешне духовному, но что познается опять лишь посредством мышления. Теоретическое отречение становится практическим фактом. Материалистический образ мира и следующий отсюда практический опыт есть результат последовательного в этом погрешении забывания. Мы серьёзным образом принимаем отраженный образ, а процесса отражения не обнаруживаем. Таким образом отраженный мир приобретает свою кажущуюся самостоятельность, независимость одновременно прокладывается путь, закладывается начало к отречению человека от источника своей свободы.

Если устраняется забывание, тогда исчезает отчужденность, инородность мира восприятия: его существо открывается интуиции, т.е. духовному наблюдению в мышлении. В медитации мы отправляемся, например, от некоторого чувственного образа или некоторой темы: вплоть до самого внутреннего движения, которым мы это мыслим, мы становимся с тем отждественным. Это тождество мы одновременно претерпываем, в качест-

ве самого духовного опыта. Интенсивно понятие, все эти медитативные усилия принятия - истинного, принятия - действительного погружаются в существо истины. Истина как пребывание, несокрытость, незабвение, неутраченность.

В медитативном смысле чистое восприятие может осуществить только тот, кто без фиксированных представлений способен оставаться бодрственным. Этот человек может по опыту убедиться в том, что его собственное существо не является его собственностью, и что мир не проводит в жизнь, не осуществляет ничего иного, чем то, что осуществляется в существе самого познания.

Когда мировой процесс испытан на опыте, познание смотрит не к у ю действительность, в созерцании которой принимает участие человек. Поэтому равно как и свет существует зрение; мышление - равно как и сущностный мир. В этой совокупности, в этом целом духовное восприятие находится в бодрствующем состоянии, - Каждая музыка, каждый цвет, каждое слово, не отрекаясь от себя, от своей сущности, - они заходят в центр бодрствующего безмолвия, бодрствующей тишины.

УП. ДУХОВНОЕ ПРИЧАСТИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Воспринимание предшествует мышлению.

Воспринимание предшествует восприятию.

Воспринимание предшествует сознанию.

Мышление предшествует помысленному.

Помысленное предшествует сознанию.

Сознание ругается помысленным.

Восприятие уже присутствует без участия воспринимающего. Восприятие становится осознаваемым, для осознаваемости оно всегда присутствует; однако это ещё не сознание.

Сознание возникает благодаря мышлению; мышление возникает в отношении к воспринятому, размышляет о нём. Отвлеченное от восприятия, оно размышляет о самом себе: таким образом, благодаря мышлению, в отношении к помысленному возникает сознание.

Сознание не испытывает того, что предшествует ему: мышления воспринимания. Оно возникает в отношении к помысленному, оно содержит воспринятое.

Вначале присутствует воспринимание, потом воспринятое, затем мышление о воспринятом; затем мышление о самом себе; затем помысленное и сознание.

Сознаваемость есть смутное, сновидческое сознание. Присутствуют лишь восприятия.

Мышление пока ещё содержится в воспринимании, Воспринимание всё ещё является некоего рода мышлением чувств, мышлением в чувствах.

Сознаваемость не знает о самой себе, лишь о воспринятом. Потому она и не сознание.

Воспринятое пока ещё содержит помысленное. Оба поэтому исполнено жизни.

Дитя, которое ещё не говорит, не признаёт "Я", ещё не является телесностью. Оно воспринимает эту телесность даже как нечто иное. Истинное Я, которое ещё из него высказывается, не видит себя. Субъект никогда не видим. Ещё истинное Я погружается в мир, как впрочем и в детское тело. Оно испытывает мир как собственную телесность: всё для Я - третье лицо.

Опыт, погружение, беспредельно.

Древние народы созерцали мир следующим образом. Не являясь знающими, они присутствовали в знании.

Ясность происходит из помысленного. Воспринятое было ясным, сознание — смутным.

Сознанию предшествует мышление, предшествует воспринимание. Предшествующее мысленному не может стать содержанием, предметом сознания.

Сознание спит в мышлении, спит в воспринимании. Сознание бодрствует в помысленном, бодрствует в воспринятом.

Помысленное, воспринятое суть границы сознания. Без этих границ сознание засыпает.

Пустого сознания не бывает.

Сознание стережет свои границы.

Границы создают сознание.

Границы — это сознание.

Границы охраняют сознание.

Сознание не созерцает мышления.

Сознание не видит воспринимания.

Мышление нельзя объяснить. Почему логика логична? Почему очевидность очевидна? Это было бы возможно, если бы это можно было объяснить посредством иного, нового мышления.

Воспринимание нельзя объяснить. Почему это синее, а то красное? Это было бы возможно, если бы это можно было объяснить посредством иного, нового воспринимания.

Мышление опосредствует мир. Воспринимание опосредствует мир. Посредством помысленного, посредством воспринятого.

Само мышление есть непосредственное познание.

Само воспринимание есть непосредственное познание.

Мир есть непосредственное познание.

Человек спит в непосредственном познании.

Сознание бодрствует в опосредовании.

Человек нуждается в опосредовании. Он принимает примирительную позицию:

Мир — это не тот мир, который видит человек.

Я — это не то Я, которое мыслит человек.

Я человека — это помысленное Я: воспринимание мысли об истинном Я.

Мир человека — это воспринятый мир: мертвый образ от картины мира

Мир противостоит Я, Я противостоит миру. Границы Я есть границы мира. Границы есть то, что сознание не может помыслить, что глаза не могут просмотреть.

Я ребенка отождествило себя с телесностью.

Теперь "Я" ребенка говорит телесности.

Я отражается в телесности и говорит "Я" - отражению.

Телесное отделяет Я от мира.

Зеркало отражает лучи Я назад.

Телесность отделяет Мир от Я.

Зеркало отражает лучи мира назад.

Телесность отделяет воспринимание от мышления.

В воспринятом Я застаёт мир, в мышлении находит Я.

Я есть Я сознания.

Я живет по милости мышления.

Я живет по милости воспринимания.

Я опирается на помысленное, на воспринятое.

Я опирается на мир, который оно видит.

Сознание становится ясным благодаря помысленному.

Помысленное прозрачно.

Мир становится замутненным от лишнего мыслей воспринятого.

Воспринятое непрозрачно.

Мир был когда-то просветленным миром. Мир человеку был явным миром.

Некогда человек не познавал себя. Он был частью просветленного мира.

Свет мира проникал в человека.

Бытие было познанием. Познание было бытием.

Человек познает мысли другого.

Он и принимает мысли в свое мышление. В мышлении помысленное оживает заново. Человек спит в мышлении, спит в том, что присуще живому. Он мыслит мысли другого так, как если бы они были собственными мыслями. Иначе понимания не происходит.

Мысля мысли кого-либо другого, человек угасает. Человек становится отжествен с мышлением другого. Он засыпает. Он есть другой. Он есть мышление другого.

Человек мыслит свои мысли. Он спит во время мышления. Он пробуждается в помысленном. Он угасает в мышлении. Он есть мышление.

Человек сверхчеловек. Человек не есть отжественный. Человек есть

Человек обладает способностью погружаться в другого. Однако при погружении человек спит как дитя, которое ещё не погружено в тело. Сознаваемость присутствует без сознания. Понимание без понимающего.

Где мышление? Где Я? Где это Где? Всякое Где происходит из мышления. Мышление нигде. Мышлению всюду. Нет помысленного.

Я есть то, что имеет границы. Я есть сама граница. Я есть помысленное, воспринятое. Вспомненное прошедшее. Отображение.

Я есть истинное Я. Это не тело, не душа, не дух. Это Я, это дух, это понимание. Оно всюду. Повсюду спит. Оно отражается в теле. Оно не имеет границ. Это беспредельность. Безграничное понимание, погружение в другого, погружение в другое. Я предшествует сознанию.

Человек познает мир. Мир есть другое. Человек воспринимает другое. Другое есть воспринятое. Воспринятому предшествует воспринимание.

Человек спит в воспринимании. Человек забывает себя в воспринимании.

Человек все-таки присутствует в воспринимании: иначе кто бы воспринимал?

Человек не мыслит, когда он слушает музыку. Человек забывает себя во время музыки. Чем больше он забывает себя, тем лучше он слышит музыку. Не звуки он слышит, а музыку.

Звуки там, где музыки нет. Музыка есть движение потока, как луч, тепло, жизнь.

Слова - это не мышление. Слова там, где мышления нет. Мышление есть движение потока, как луч, тепло, музыка. Слова - для того, чтобы направлять поток, как камни в ручье.

Вещи - это не мир. Вещи человек видит. Вещи есть буквы, слова. Вещи там, где мира нет. Мир есть мышление, мир есть музыка. Мир есть текущая жизнь. Мир стремится быть прочитанным, мир стремится быть промузицированным.

В ином случае он оставляет букву, ноту, камень.

Человек выходит из себя наружу в воспринимании. Он угасает, становится другим.

Человек имеет способность погружаться в другое. Где Я?

Спящим входит Я в другое. Другое не есть больше другое: это - место Я.

Я в Мире. Человек есть часть мира.

Чтение сверхчувственно. Чтение не есть отображение. Чтение озна-

чает: вершить заново исполненным жизни образом.

Человек читает не буквы, не слова, не мысли. Человек может читать исполненный жизни смысл.

Читать можно тексты, читать можно записи.

Читать можно вещи мира.

Человек читает мир. Всякое познавание есть чтение, также и самое первоначальное познавание есть чтение по складам.

Познанный мир есть просветленный мир. Человек познает мир.

Человек познает себя: он есть часть просветленного мира. Свет мира проникает в мир из человека. Он стал обителью света.

Бытие есть познавание. Познавание есть бытие.

Отличительность мира того же рода, что и чуждость мыслей другого.

Отличительность мира того же рода, что и чуждость всего содержания моей интуиции.

Весь мир истинного Я — это чуждость для эго.

Отличительность мира — это граница для эго.

Отличительность мира есть эго.

Но мир — это Я.

Эго видит увиденный мир.

В видении угасает эго.

В видении засыпает эго.

В видении бодрствует Я. Оно охраняет сон эго.

Эго просыпает бодрствование Я.

Сновидение есть чуждое. Увиденное для эго чуждо. Без чуждости не было бы эго. Другое существует из-за эго. Другое охраняет эго.

Я созерцает ландшафт, небо, дерево.

Эго угасает. Ландшафт, небо, дерево есть обители Я. Ландшафт, небо, дерево есть: Я.

Я не знает о самом себе. Я не знает о ландшафте, небе, дереве. Я есть ландшафт, небо, дерево. Ничего не видит Я.

Эго видит ландшафты, небо, дерево. Оно знает о ландшафте, небе, дереве.

Оно знает о самом себе.

Эго испытывает мир и самое себя.

Эго присутствует для того, чтобы стать опытом.

Опыт присутствует для того, чтобы наступило испытание опыта.

Не для эго.

Эго возникает вслед за испытанием.

Это возникает в отношении к опыту.

Мышление для это не может стать опытом, только помысленное.

Восприимание для это не может стать опытом, только воспринятое.

Человек есть вспомненное, человек есть прошедшее. Сознание образовывается в отношении к мертвому.

Человек есть индивидуальность в царстве мертвого.

Мышление есть жизнь.

Восприимание есть жизнь.

Это угасает в жизни.

Человек спит в жизни.

Человек живет сновидением жизни.

Человек бодрствует в смерти жизни.

Смерть - это совсем не опыт. Э т о -смерть.

Опыт смерти есть воскресение. Жизнь.

Смерть присутствует для того, чтобы стать опытом.

Мышление есть непрерывное умирание мышления.

Само мышление есть жизнь.

Восприимание есть постоянное умирание восприимания.

Само восприимание есть жизнь.

Мышление присутствует для того, чтобы испытываться.

Восприимание присутствует для того, чтобы испытываться.

В испытывании пробуждается субъект, - не это.

Истинный субъект не нуждается в границах. Он не нуждается в помысленном, в воспринятом. Он не нуждается в другом. Истинный субъект не мыслит, не чувствует, не волит.

Он есть. Я есмь.

Человек не знает, кто он.

Он должен волить это знание.

Ничто не продвигает человека дальше. Он стал мыслящим. И все утверждения происходит из мышления.

Для человека отныне никакого обучения нет.

Он должен это волить.

Он не может волить мышление, только помысленное.

В своем мышлении он может волить сосредоточенное сугубо, для себя помысленное. Некоторую чистую идею.

Он может сосредоточиваться на некоторой чистой идее.

Чистая идея прозрачна и лишена теней. Она не существует, её нельзя вспомнить, если человек её не волит, её нет. Она существует, живет по воле человека. Человек созерцает чистую идею. Посредством чистой идеи человек созерцает мышление. В чистой идее человек созерцает

мышление. Не помысленное. У идеи нет прошлого. Она живет по исполненной жизни воле человека. Светел человек, светла и идея. Если человек светел, то он созерцает живое мышление.

Идея не нуждается больше в том, чтобы быть помысленной. Она уже помыслена. Она лишь хочет созерцаться.

Кто созерцает живое мышление, тот — истинный субъект.

Живое мышление есть воля и чувство.

Истинный субъект созерцает живое.

Истинный субъект видит смерть жизни.

Это истинный субъект.

Жизнь есть свет. Не биология.

Истинный субъект не противостоит живому мышлению.

Этот субъект не есть противо-стояние. Он тождествен с живым мышлением. Также как и с ландшафтом, небом, деревом.

Свет проникает, наполняет Я, мир, жизнь, мышление, воспринимание.

Это жертвует собой ради Я. Это есть Я.

Безжизненное жертвует собой ради жизни. Свет проникает в смерть, в жизнь. Мышление удалено от безжизненного, от предмета. Человек не связывает себя с готовым, с прошедшим. Он присутствует при мышлении, присутствует в его настоящем. Теперь он приобрел свое присутствие в настоящем, свое настоящее. Обычно он его просыпает и бодрствует в прошедшем. Только прошедшее имеет будущее. Настоящее есть непреходящее пребывание. Непреходящее: это не значит во времени. Ибо время есть непреходящая смерть. Настоящее не живет.

Кто созерцает мышление, тот живет. Кто живет, тому не нужны границы. Кому не нужны границы, тот может отдаваться. Миру, другому. Живому мышлению.

Все произведено из живого мышления. Кто отдается живому мышлению, тот познает. Он все познает как самого себя, как свое Я, как одно Я. Самоотдача есть любовь. Любить можно лишь Я-есмя.

Любить может лишь тот, кто не испытывает страха. Страх нуждается в границах.

Быть индивидуальностью без границ значит: жить, значит быть индивидуальностью в живом, не в мертвом.

Лишь живое может быть собственностью, лишь мертвому нужна собственность.

Моя — мысль не мышление.

Истинное Я ничего не приобретает. Оно есть всё. Приобретать мо-

или.

Исключаются препятствия, присутствует искусство. Оно всегда присутствует.

Я являюсь наибольшим препятствием. Если Я угасло, тогда Я присутствует. Мир присутствует в своей просветленности.

Просветленность есть изначальное качество мира. Замутненность происходит через человека. Его предстает свет.

Рука должна начать, рука должна быть на рояле. Всё задуманное, всё приобретенное занятиями забывается. Рука отводится назад, туда, где она находится в исходном состоянии.

Мышление приводится назад, от помысленного к источнику. Как даного, источника в человеке нет. — Источник однако в человеке. Источник всегда присутствует. Когда препятствие отсутствует, он вспыхивает.

Свет не знает состояние бездействия, неподвижности.

Дух есть непреходящее понимание. Нет совершенно ничего, что понимают. Нет совершенно ничего, что можно было бы понимать.

Картина мира — это картина человека. Картина мира, которой человек не видит, не существует.

Мир — всегда видимый мир. Невидимую картину человек не видит, лишь измышляет.

Картина уже результат созерцания. До созерцания есть единство. Без созерцающего нет картины. Только смутное единство.

Человек — в картине. Он отделяется от картины и становится созерцающим. Картина изменяется.

Когда ты говоришь, это есть ты. Когда ты молчишь, это есть ты. Как ты можешь быть, не будучи собой?

жет лишь тот, кто не есть всё.

Живое мышление принадлежит миру. Принадлежит оно Я? Оно есть мир. Оно есть Я.

Созерцание духа есть непосредственность, непосредственное познание. Проникать сквозь опосредствование и вместе с тем сквозь опосредование это — искусство. Познание также естественно, как и всякое искусство. Искусство присутствует всегда; только у него имеются препятствия.

Препятствие для искусства — это пальцы, струны, ноты. Все они должны стать прозрачными: быть выключенными, стать безучастными также, как глаза отсутствуют в видении. Опосредование есть препятствие. Волны, вследствие которых прозрачное существо становится непрозрач-

Человек спит в созерцании. Он бодрствует в увиденном. Увиденное уже помыслено.

Увиденное для человека есть объективный мир.

Истинное Я никогда не отделено от мира. Оно - в непосредственном познании.

Это есть отделение. Для эго мир не просветлен. Истинный свет светит в мир и в человека. Это единственный свет.

Где есть граница, там свет отражается назад. От тьмы. Отраженный свет освещает мир. Освещенный мир для человека становится объективным.

Единый свет разделяется. Снаружи остается физический свет, внутри возникает свет мыслей.

Человек выступает из мира. То, что остается, есть пространственность.

Человек выступает из настоящего, из присутствия в настоящем. То, что остается, есть время, прошедшее. Их оставляет после себя человек.

Выход изменяет картину. Человек видит измененную картину. Это эго объективный мир.

Увиденный мир есть чуждое для человека божество. Он не присутствует при созерцании. Сновидение становится для него чуждым, божественным, объективным и непознаваемым.

Сооружение из ключев - это и есть увиденный мир. Человек ищет связь. Чем больше связей он находит, тем больше остается ключев. Истинная связь не есть связь между ключьями. Сооружение из ключев - это то, что выпадает из связи.

Вначале есть музыка. Потом такты, затем ноты.

Вначале присутствует смысл. Потом мысли, затем предложения, затем слова. Затем буквы. Отношения имеются даже и между буквами.

Измерение происходит восприятием и мышлением. Само измерение есть восприятие.

Клочек мертв. Мертва также и связь между ключьями.

Мировую картину создает человек: воспринятое.

Мысли создает человек: помысленное.

Чтение по складам связывает воспринятое с помысленным. Начальное чтение.

Созерцаема идея, - не помысленное. Идея есть образ.

Образ есть идея. Всякий эмпиризм уже есть теория.

Мышление сводится к образному, - не к картине восприятия.

Восприятие сводится к созерцанию идеи, - не к помысленному.

Живое мышление есть идеи - образы.

Живое восприятие есть созерцание образа — идеи.

Восприятие и мышление были когда-то непосредственным познанием. В непосредственности человек тождествен с миром.

Он не тождествен. Он — суть мир.

Тождественность присутствует всегда. Границы для это.

Это становится опытом. Я. Я есть мир.

Тождественность присутствует всегда. Иначе не было бы познания. Даже в сооружении из ключев.

Человек забывает свое мышление, человек забывает свое восприятие. Он отрицает свое мышление мышлением, от отрицает восприятие восприятием.

Одновременно субъективным мышлением он считает воспринятое за объективное.

Он должен замедлять свою жизнь. Всё он делает слишком быстро.

Там дерево.

Я вижу: там дерево.

Я мыслю, что я вижу: там дерево.

Я мыслю: там дерево.

Там дерево.

Созерцать без мыслей — не означает: созерцать без мышления.

Действительно воспринимать — значит просветлять воспринятое, а одновременно восприятие и воспринимающее. В таком случае возникает цельная картина.

Мышление принадлежит к миру. Человек принадлежит к миру. Восприятие принадлежит к миру. Познание принадлежит к миру. Ничего нет вне мира. Искусство принадлежит к миру. Действительное познание есть искусство.

Естественно так же, как каждое искусство.

Замутненность присутствует для того, чтобы появился свет.

Свет появляется для того, чтобы человек созерцал свет.

Прежде всего человек видит освещенное, не свет.

Искусство однако — это видеть одновременно и освещающее.

Искусство — это: видеть одновременно и созерцающее.

Это — преображение.

Вначале человек должен заметить, что он спит в мышлении.

Вначале он должен заметить, что он спит в восприятии. Вначале человек должен пробудиться. Не по отношению к помысленному, а в мышлении.

Вначале человек должен пробудиться. Не по отношению к воспринятому, а в восприятии.

Иначе чуждым божеством становится для него картина, на коленях перед которой он стоит.

Освещенный мир, твердый мир, внешнее божество отбрасывает человека назад, к самому себе.

На твердости он учится быть чувствующим. Он учится быть испытывающим. Он обучается тому, что он есть другое.

Твердый минерал - его первая граница.

Твердая граница воспитывает его быть испытывающим за пределами границ. Каждая граница указывает за пределы себя.

Тот, кто без границ, тверже чем алмаз.

Твердое не есть непосредственное, лишь кажется, что это должно быть.

Твердое есть следствие непосредственности, которую вначале человек просыпает.

Он просыпает её таким образом, что он знает лишь о твердости мира.

Твердость мира взращивает любовь, всё большую любовь. Любовь - это ничто не природное. Любовь нуждается в замутненном, для того, чтобы просветлять его. Любовь нуждается в твердом, для того, чтобы воспламенить, исполнить его любви. Только человек может любить. Ангелы не любят, они уже есть всё. Им ничего не остается любить. Только другое может быть любимым. Для того, чтобы появилась любовь, присутствует другое.

Если присутствует любовь, то нет больше другого.

Глаза скрепляют печатью тождественности и видят другое.

Глаза напоминают о тождественности, в то время, как они видят другое. В зрении, видении глаза просветлены. Свет проникает в другое.

Другим просветленным являюсь я. Любовь преобразует мир.

Познавание не есть еда, но чтение.

Познавание есть метаморфизированная тождественность.

Тождественность есть метаморфизированное познавание.

Человек ест хлеб. Благодаря этому он становится человеком, а хлеб становится хлебом.

УШ. О СМЫСЛЕ БЫТИЯ

Сознаваемость не есть ещё сознание, так как о самой себе она ещё ничего не знает.

Смутная сознаваемость мира не есть ещё связывающая с миром тождественность, сознание ещё отсутствует. Для этого необходим был выход из мира. Разрыв тождества.

В смягченном виде и неосознанно первоначальная тождественность также и сегодня продолжает жить в каждом познании.

В другом виде также и сегодня присутствует смутность. Человек забывает мышление, забывает восприятие, так как он бодр лишь в мысленном, в воспринятом.

Он постоянно ссылается на мышление, на восприятие, даже тогда, когда он их отрицает мышлением, восприятием. Он знает, что обнаруживает всё через них. Однако он присуждает реальность лишь мысленному, лишь воспринятому, а не воспринятому, а не восприятию, не мышлению.

Благодаря чему он признает значение реальности? Благодаря восприятию, благодаря мышлению, которые он считает нереальным опять же посредством мышления; — игра эго, которая не могла бы состояться без возможности имманентности истинного Я в мышлении и в восприятии.

В своем восприятии человек пытается вновь прийти к единству с миром.

Чем больше он забывает себя в созерцании, тем лучше он видит. Является ли чистое восприятие тем же самым, что и изначальная смутная сознаваемость мира?

Чистое восприятие поволено. Чистое восприятие имеет препятствия, и в преодолении препятствий возникает чистое восприятие. Без этих препятствий не было бы воления, не было бы преодоления, не было бы того, кто мог бы волевать, — не присутствовало бы чистого восприятия. Препятствия пробуждают чистое восприятие.

Всякое посредничество есть препятствие. Опосредование присутствует для того, чтобы устраняться. Устранение есть проникание сквозь препятствие. Всякое искусство заключается в опосредовании и в одновременном проникновении сквозь опосредование.

Опосредование присутствует для того, чтобы устранить его уничтоженным.

Телесность есть препятствие созерцания. Но без неё не присутствовало бы того, кто созерцает.

В чистом мышлении, в чистом восприятии просматривается само

посредничество. Поэтому чистое мышление и чистое восприятие есть деятельность искусства. Познавание есть главное искусство.

Истина есть истина: , незабвение, не-угасание, само себя не гасящее в познавании сознание, перед которым в акте познания ничто не остается сокрытым: несокрыт также и акт познания.

Истина есть абсолютная несокрытость.

Несокрытость есть изначальный свет. Неотраженный, он заодно с воспринятым принижывает восприятие и воспринимающее.

Чистое восприятие есть наличие, присутствие, такое же как и испытание живого мышления.

Присутствие есть абсолютное настоящее во времени и пространстве, непроедшее. Оно не знает времени.

Так как оно не знает времени, оно не знает и помысленного, не знает воспринятого.

И всё-таки оно полностью сосредоточено: На чем? Это некоторого рода стремление без цели. Исполненное пустого бытия, бытие места. Ничего иного.

Неторопливо человек обучается оставаться бодрствующим и настоящим. Не опираясь на прошедшее, не пытаясь найти себе поддержку в воспоминании, не цепляясь в нём за самого себя, он обучается присутствовать. Присутствовать, не напротив по отношению к миру, а в мире, там, где он всегда и находится. То, чем является время для прошедшего, для находящегося напротив есть пространство. Оба есть утрачивание мира. Утрачивание присутствия в настоящем. Само утрачивание. Утрачивать: забывать: становиться сокрытым. Прямая противоположность истине.

Обучаться, быть пустым и в то время готовым, есть искусство. Пустота никогда не становится заполненной, а готовность никогда не переходит в нечто иное. Они пребывают.

Ничто не является тем, что заполняет, кроме готовности. Она содержит возможность всего. Она есть свобода, которая как молния блистает в одно мгновение непреходящим образом от свободы к свободе.

Помысленное присутствует для того, чтобы снова мыслиться.

Из помысленного вновь мыслится живое для того, чтобы немедленно опять умереть.

Оживление помысленного происходит там, где нет слов. Символы, знаки присутствуют для того, чтобы направить поток жизни, туда, где их нет.

Смысл между словами, между знаками, между предложениями. Воскрешение, возрождение помысленного есть чтение. Где воскрешения не про-

исходит, там нет чтения, нет мышления, а есть отображение. Там риторика.

Риторика есть внешнее соединение знаков. Знаки не распадаются и за пределы самих себя не выводят. Само чтение есть преодоление знаков. Высшее чтение есть преодоление чтения. От ступени к ступени устраняется опосредование.

Есть лишь немногие люди, которые истинно может читать текст. В сущности едва ли ещё есть люди, которые могут читать картину восприятия. Само притязание, что могут читаться одни лишь восприятия, забыто.

Факты, объективная действительность, независимо от воспринимающего, независимо от читающего, — если даже ещё довольно-таки примитивно читающего —, это не познание, не преодоленное проникновением опосредование, о котором человек не знает. Он знает лишь познание, результат познания. Познание остается для него непознанным.

Божественность внешнего божества происходит от независимости его появления от человека.

Божественность объективного материального мира происходит от просыпания процесса его появления.

Появление есть проспанный процесс появления.

Вечную тождественность человек просыпает, так как она пребывает на плоскости, куда обычное сознание проникнуть не может. Ему является лишь сновидение: не обусловленное чьим-то влиянием, как некоторое божество. Божественное начало.

Человек ничего не знает о своем тождестве с этим божеством.

Дохристианский человек ничего не знал о своем тождестве с миром, а, исходя из другой основы: Он ещё не был тем, кто мог бы знать о тождестве. Он был ещё отождествленным: неотделенным, нерожденным.

Современный человек знает о самом себе, даже если он опровергает или отрицает самого себя. Он ничего не знает о тождестве, как как он обязан своим сознанием разрушению тождества.

Не проникая сквозь опосредование, не видя сквозь него, он поклоняется ложному божеству.

Божеством античного человека был ещё дух: таким образом истинное божество. Божество современного человека, которое как божественное он даже не просматривает, воздвигнуто им самим: идол. Он дает ему жизнь: — свою собственную. Он наделяет его духом — своим собственным. Однако он не замечает этого.

Это идолопоклонство объективной действительности есть первый

шаг. Последовал культ зла.

Идол современного человека кажется морально нейтральным. Однако взгляд на его действия учит другому: этой религией человек лишается человеческого облика. Он сам становится тем, что он познает как мир.

Вначале он держится за материю, затем действует чудо этой веры: вскоре он перестает быть человеком.

Когда он осознает, что этот его мир не может принести ему ничего хорошего, что этот его мир, каким он его видит, не таит ничего другого, кроме гибели за гибелью. Он склоняется своей головой перед божеством о котором он знает, что оно злое. Каждый человек пособничает. Производя и потребляя, каждый человек по отношению к техническому миру воздвигает дальнейшее. Много он не может.

Но из опыта он знает, что из того мира техники к нему ничего хорошего не приходит. Живя в этом мире, он принимает его и своего злого идола в том случае, если одновременно со своим согласием он сквозь этот мир не проникает: т.е. в то время как он познает то, что этот мир представляет собой на самом деле, когда таким образом искусства познания он не осуществляет.

Весь мир, также как и мир техники, ждет этого жеста.

Спасание мира есть его познание в истине.

Всякое познание есть магическое действие. Несовершенное познание очаровывает. Мир всегда есть познанный мир.

Мировая картина создается человеком. Не существует другой картины мира.

Но человек сам принадлежит миру. Вместе с ним миру принадлежит также и его познание. Мировая картина несовершенна и искажена, если элемент, который входит в её состав, в картине не появляется.

Сегодня человек познает таким образом, /30/, как если бы он стоял вне мировой картины эта картина, думает он, присутствует даже без него, без его познания, он смотрит на готовое.

С другой стороны, думает он, он целиком принадлежит познанному, равно и своему миру. Этот его мир, однако, не содержит ничего, что было бы способно к познанию, ничего, что могло бы познавать.

Слово принадлежит миру также как и понятие, идея, мысль: даже когда человек живет в иллюзии, мир присутствовал бы готовым без понятийности.

Вначале мир идеи был — духовностью — реальностью для человека. Безидейный чувственный мир был для него видимостью, Сегодня безидейный чувственный мир для человека — реальность. Идеальное для него не более чем результат неидеального, нечто едва заметное.

Неидеальное познается человеком через идеи в качестве неидеально-

го. Разве это неидеальное в конечном счёте не есть идея? Ничто другое кроме понятийного для человека не познаваемо.

Данное вещество есть идея.

Понятийность в человеке замерла, есть прошедшее. Поэтому она является ему так прозрачно, едва заметно.

Его сознание есть сознание, предназначенное для прошедшего. Жизнь в это сознание не проникает.

Тот, который не исчез, не канул в прошлое и может созерцать прошедшее, истёкшее, замершее. Однако это видение, которое он всегда практикует, он может забыть. Тогда он продаёт свою свободу за вечную похлебку, за реальность чувств, которую ещё предки познали как видимость мира. Напротив находящейся внутри мёртвой понятийности снаружи стоит твердая, грубая реальность, мир предметов, стало быть мир мёртвых предметов, которые извне приводятся в движение, поддающимся расчёту образом, лишенными субъективного, но исчисляемыми силами, — мир физики.

В противостоянии по отношению к месту напротив человек мог бы познавать себя в качестве противостоящего: он мог бы созерцать само противостояние и в увидении перейти к свободе. Он однако может и за быть испытание на опыте и продать свою свободу: он сам вступает в область поддающегося расчёту — в качестве предмета.

В древнем сумеречном сознании, в сознаваемости оба, мышление и восприятие, были ещё живыми и едиными.

Едиными, потому и живыми. Живыми, потому человека и связующими. Свобода не была возможной.

Мировая картина сумеречного сознания превращалась в мир предметов, в мир фактов, которые противостоят человеку. Он выпал из мира. выпал из вечности, он выпал из истинного пространства. Поэтому теперь для него возникает время, абстрактное пространство и противостоящий ему внутри этого пространства мир.

Из живой мировой картины, из мира, который был познанным, проникнутым живым миром, жизненность ушла в картину восприятия, понимание ушло в мир мыслей человека, а мёртвое мышление не в состоянии познавать жизнь в мире восприятия. Там, снаружи оно смутно сознает жизнь, оно всегда ищет её. Оно поклоняется этой непознанной, этой никогда не достижимой жизни: как объективному миру материи.

Предмет есть метаморфизированный дух. Мысль есть метаморфизированный дух. Метаморфоза присутствует для того, чтобы предоставить место свободе.

Когда предмет и мысль в человеке не соединятся вновь исполнен-

ним жизни образом, свобода остаётся всё-таки одной лишь возможностью. Остающейся возможности однако не бывает. Любая возможность исчезает.

Чем старше она становится, тем труднее её найти. Бывает потерянное искусство.

Жизнь в духе, чистое восприятие, подобно музыке.

Музыкант извлекает ноты, инструмент, свою руку, своё дыхание.

В то время, как деятельность его тела и функции инструмента приходят к совместному согласованному пребыванию, он читает и извлекает то, что неопределимо и не поддаётся анализу.

Для того, чтобы заниматься музыкой, необходимо слушание музыки: творение музыки и слушание её пронизывают друг-друга. Одновременно воспринимаемая и упорядочивая творение музыки, слушание уже представляет собой продуцирование, произведение её. Творение и познание действуют одновременно и согласованно. Они суть одна и та же деятельность.

Это музыкальное произведение идёт затем своим путем к пассивно слушающему. Если этот слушающий музыкант, т.е. читающий, приходит музыка. Но если он не в состоянии или лишь не вполне может читать, тогда он околдовывает, очаровывает музыку звуком, акустикой, созвучием. Немзыкальным, музыкально не одаренным принимается лишь шум. Для ученого, который сдерживает или оттесняет свою музыкальность, приходят одни лишь колебания. Для него звук был бы уже чем-то прочтанным. Однако, не читать: есть его принцип. Таким образом, он не замечает, что даже колебания, которые он приписывает звуку: должны читаться для того, чтобы вообще существовать. Все его восприятия, посредством которых он доказывает свои колебания, всё вновь и вновь содержат элемент, который он хочет объяснить посредством этих колебаний, и являются намного сложнее, чем сами колебания. Он притворяется, лицемерит. Он делает так, как если бы он не мог читать — до тех пор, пока он этого действительно не забывает.

То, что было создано как музыка, изменяется не в пространстве, которое её принимает и переносит. Оно изменяется лишь благодаря человеку: благодаря его непониманию. То, что кажется, что в пространстве оно колеблется без мастера, есть музыка, всё время музыка. Что должно было бы неслышимо изменяться по отношению к музыке, которая живет в слушании?

Слушание музыки не является тем же, что и слушание слов.

Слова читаются за мыслями. Мысли при известных условиях читаются вслед за промысленным смыслом.

Музыка возвещается не через мысли, а через мышление вслед за

смыслом. Музыку не истолковывают, как например, восприятие. Её только слушают.

В слушании не истолковывают, нет никакого противостояния. Нас нет, присутствует только музыка: это и есть мы. Промышленное слушают; действительное слушание есть наивысшее понимание, чистое восприятие.

То, что человек не может читать совершенным образом, становится знаками, буквами, нотами, звуками; позади них скрывается полная действительность. Однако для нечитающего знаки есть сама действительность, в то время как для того, кто обучается читать, они являются семенами, которые в нём прорастают. Он в состоянии неторопливо извлечь спящую жизнь из твердых зерен.

Слушание совершается не ухом. Для "неслышащего" уха певец поёт напрасно.

Слушание совершается не во времени. В музыке чередование значения не имеет. Всё-таки предшествовавшее присутствует, присутствует также и будущее, иначе нет музыки. Чем дальше назад и вперёд достигает мое настоящее, моё присутствие в настоящем, тем лучшим музыкантом я являюсь.

Слушание совершается разумеется не во времени. Слушанием время даже устраняется.

Искусство и реализм суть противоположности. Наивный реализм возможен лишь тогда, когда восприятие становится совершенно неискусственным. Всякий "объективный реализм" наивен. Все противопоставления бытия и познавания, жизни и знания есть реализм, есть ложь: посредством познавания я утверждаю бытие, посредством познавания я отрицаю познавание. Предмет, факты, вещи присутствуют, потому что я не могу читать, потому что я не могу приводить их к возрождению, потому что я не замечаю, что они есть знаки - так как я "немузыкален".

Тело - это препятствие для созерцания, но без него не присутствовало бы того, кто бы созерцал.

Если бы при созерцании, при обнюхивании, при пробовании на вкус я мог быть совершенно музыкальным, весь мир открылся бы мне как живущая музыка. Не существует прошедшей музыки; также как не существует стоящего на месте света, он всегда исходит, льется.

Музыка ли, картина ли, всякое искусство ведет к жизни. Не к мёртвой картине жизни /обозначаемой обычно как жизнь/, но к истинной жизни, которая в то же время есть свет.

Никакого отраженного мёртвого света, но тот свет, который проникает одновременно сквозь познанное и познающее.

Что такое реальность музыки? Где реальность музыки? В человеке? Вне человека?

Реальность мира есть живой, просмысленный смысл, который, очарованный в каждом знаке, ожидает, чтобы стать пробужденным к жизни.

Пойми, каким образом истинное познание есть искусство, отрешенное искусство!

Чистое восприятие для мира и для тебя есть то, чем для музыки и для тебя является музыкальное слушание.

Пойми, что ты делаешь с миром, когда ты не созерцаешь его посредством чистого восприятия!

Что такое смысл музыки?

В вопросе имеется лишь вопрошание значения и смысла.

Ответ не нужен. Он лежит в музицировании, в музыкальном исполнении.

Вопрос возможен лишь к музицированию.

Ответ есть прекращение вопроса в музицировании.

Не существует вопроса вне музыки.

Античный человек обладал большим смыслом, чем мы. Процессами познания для него были дыхание, еда, половой акт. Органами познания ему были сердце, почка, легкое.

В чистом восприятии весь человек становится оком, слухом, мыслительным органом.

В античном мире сознание тождества со вселенной было мистерией — познания. Так это даже и сегодня, но с другого поляна.

Что же есть таким образом смысл бытия?

IX. СВЕТ ЗЕМЛИ

ЗЕМЛЯ

Земля — это то, что мы видим. Она такова, какой мы её видим. Наше видение и земля — их нельзя различать; если мы не видим землю, то мы не видим решительно ничего.

Земля существует в нашем сознании: всё, что мы воспринимаем, все, о чём мы знаем, находится в нашем сознании. Даже мы сами.

Это видение не субъективно: здесь мы же могли бы видеть всё, что угодно, белое, например, черным или жёлтым. Но тогда не имело бы никакого смысла говорить о белом, черном или желтом.

Видение объективно. Это процесс мирового масштаба: мир творит видение. Мир видит себя через человека.

Но в том, что мы называем землей, само видение не содержится. Земля становится увиденной благодаря видению.

НЕБО

Познавание не от этого мира, не от земли; через познавание земля становится миром мирового масштаба. Это небесный дар, его отчина есть небо. Если бы было оно от земли, то землю познавать было бы невозможно. Благодаря ему человек есть дитя неба. Благодаря своему непознающему существу он есть дитя земли. Своей душой он связывает небо и землю, в этом отношении он действительно — человек. Когда говорят о высших видах познания, то таким образом подразумевают небо; первое, второе и третье небо.

Тем, что человек видит землю, он есть небо. Если бы сам он был землей, то он не мог бы видеть землю. Часть себя он имеет на земле, иначе он не мог бы видеть. Если бы не мог он видеть, не мог бы он быть и человеком. Его бы не было. Пока он видит землю, он — человек.

ВИДИМОЕ

Видение принадлежит ещё всецело, к небу. Где видение приходит к бездействию, куда оно уже не проникает, там — земля. Где свет на что-то наталкивается, от чего-то отражается, там появляется видимое, вуаль, пелена.

Не тьма: её нельзя было бы озарить светом: так как следует, что она перестала бы быть тьмой. Это игра света и тьмы: земля, цвет. Замутненное, также образованное соединением света и тьмы, есть цело-

век: он есть призма, через которую цвета становятся видимыми, множественность, разнообразие. В нем происходит превращение: Таким образом сама земля имеет природу света. Видимое преобразовано светом, иначе оно не было бы явным, видимым. Природа земли есть обозримость, видимость.

человеческое видение однако проникает лишь до поверхности: до завесы, до пелены. Ибо свет в нём преломляется, распадается, становится формой, становится поверхностью, становится в нём миром: предстаёт. Появляется мир, который становится видимым, который освещен: на фоне человеческого непознавания во тьме появляется свет.

То, что видение не проникает, не пронизывает, то, что возникает вуаль, пелена, имеет свою причину в человеке. Он упорно держится небесного дара, не жертвует всем, не отдается целиком: он ещё хочет при этом ощущать самого себя. Поэтому его видение проникает лишь к границе. Это есть видимое, граница видения, которое само по себе было бы безграничным как небо. Чистая прозрачность: это истинный свет.

ИСТИННЫЙ СВЕТ

Истинный свет ничего не освещает, он сам есть всё. Человек не знает этого света, так как он из него выбыл. Чистая прозрачность: это понимание без предмета, без субъекта, чистое событие: это слово. На земле нужен субъект и предмет, с тем, чтобы между ними мог простирается глагол или предикат. Чтобы появляться, чтобы светить. Истинный свет освещает всё, всех людей — не только то кажущееся, чем они становятся, и не только это всё и само это кажущееся, что они в состоянии познавать, но он освещает их самих: он ставит их в свет, в бытие. То, что они собой представляют, есть их свет. То, что представляет собой земля, есть и её тьма. Даже тьма познается светом. Мы видим тьму, потому что мы имеем некоторое участие по отношению к свету.

ПРЕЛЮДИЯ

Всё, что появляется на какой-либо ступени, есть прелюдия к высшему познаванию, завеса, пелена, которая показывается нам для того, чтобы мы не ослеплялись тем, что скрыто позади неё: пелена, на которой созревают наши силы познания и наше Я: чтобы созерцать то, что она закрывает.

Все, что появляется, есть буква: нужно с помощью высшего чтения схватить то, что отделяется от форм букв: от пелены. Буквы, как предоставленные и распоряжение формы, есть пелена, они закрывают слово:

буквы, через постоянный отказ читающего в отношении их форм, ведут к слову. Вначале есть слово, затем, буквы: его знак.

Язык знаков — это целый мир: только не замечают, что он /язык/ есть состоящая из знаков ткань. Уступать, быть слабее мира означает принимать этот язык в качестве последней реальности, как вещественность: без чтения.

Всё, что появляется, есть пелена. Всё то, что в нас не читает, есть тело. Где мы читаем, там мы являемся органом чувств. Всё тело могло бы стать органом чувств. На всякой ступени познания человеку необходимо тело в смысле того, посредством чего для человека открываются предметы окружающего его мира.

ПОДРАЖАЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Мы воспринимаем таким образом, что утонченным внутренним движением мы следуем за восприятием. Внешнее движение было бы воздействием, влиянием на нас, не было бы восприятием, не было бы познаванием. Как раз в том и состоит познание, что нашими утонченными организмами мы следуем за мыслями кого-либо другого. Мы подражаем, и через наш подражающий жест мы познаем. Познание — в этой внутренней подражающей деятельности.

За движением мы следуем глазами, чувством движения и вниманием. За разговором мы следуем внутренней речью всей нашей передающей движение частью человеческого существа. За музыкой внешним жестом мы не следуем, несмотря на то, что она искушает на это, но мы следуем взволнованными, растроганным бытием и уравновешенностью; за пением — внутренним пением. Чем больше возбуждается внешнего движения, тем меньше присутствует понимания.

Подражание имеет различные ступени: оно есть способность. Там, где оно происходит, мы переживаем обычно сопротивление, противодействие нашего собственного существа. По отношению к этому противодействию мы и познаем в повседневной жизни. Подражание мимике мира или его жестам может стать осознанным. На третьем небе мы всецело переживаем его физиогномию.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

есть познавающая подражающая деятельность, познающий процесс подражания. Он ведет к метаморфозе, превращению в того, на кого мы смотрим, кого мы видим. Он не является приспособлением: животное не познает цвет, который оно принимает. Это —

В то время как в глазу, который смотрит на цвет, совершается
 : "преследование /цели/" - навеление /на цель/ - :
 глаз цвета не принимает, он смотрит на него: он подвергается воздей-
 ствию цвета намеренным, целенаправленным обра-
 зом /способом/.

Человек однако не остается незатронутым видимым. Его более утон-
 ченный организм, душа и дух, которыми он подражает, становятся подоб-
 ными тому, что он познает. Чем совершеннее он познает, тем в большей
 степени он становится тем, кого он познает. Поэтому и говорится: "Мы
 же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Госпадня, пре-
 ображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа".
 /2.Кор.3,18/.

"Возлюбленные! Мы теперь дети Божьи: но ещё не открылось, что
 будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому
 что увидим Его, как Он есть". /1.Ин.3,2/.

В Раю Данте есть степень видения, которая определяет сте-
 пень бытия, иерархическую ступень ангелических существ, а также умер-
 ших человеческих существ. Сам он, предоставленный в созерцании веч-
 ному источнику света, благодаря которому мир сохраняется и остается
 просветленным, пронизывается, проникается и становится подвижным той
 самой космической силой, которая солнце и звёзды удерживает в движе-
 нии по своему пути: эта первая любовь.

ТОЖДЕСТВО

Познавание, подражание может всё-таки последовать все же только
 как бы сверху. Познавание есть лишь возможность, так как наиболее
 совершенное познание /и подражание/ существует, живет позади всех
 кулис, позади всех завес. За пределами всех ступеней познания при-
 сутствует тождество как наивысшее единство познающего, познавания и
 познанного. Осуществление этого единства и в то же время знание об
 этом: это и есть путь.

Путь есть получение, извлечение совершенного видения. Не виде-
 ния человека! Когда человек думает, что в качестве человеческого
 мог быть иной род видения, в таком случае посредством своего видения
 посредством своего вида познавания он грезит о ином видении, забы-
 вая, что это видение он представляет себе посредством своего види
 представления.

Видение есть видение Бога, видение мира, видение, присущее им.
 Бог созерцает себя: мир созерцает себя через нас: это видение сотво-
 рило нас и творит нас ежедневно. Из этого о д н о г о и т о г о

ж е видения через присутствие в нас тьмы мы выпадаем как собственные, обособленные существа. От этого единого света мы живем, в нем мы принимаем участие, поскольку мы видим: поскольку мы - люди. Поэтому и говорится: "Теперь мы видим как бы сквозь т у с к л о е стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан". /I. Кор. 10, 12/- "кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего ещё не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него". /I. Кор. 8, 2-3/.

ВИДИМОЕ

Видимое - не причина видения, но результат видения. Значительной степени забывание закрывает это. Мы полагаем, что то, что мы видим, дескать, ранее уже присутствует; прежде, чем мы это видим. Некто однако, это уже увидел, иначе мы ничего бы об этом не знали. Сверва мы /или кто-либо другой/ увидели камень, затем мы говорим, что он есть причина того, что мы его видим.

Видение в первый свой момент всегда забывается. Мы уже должны были его /камень/ увидеть, иначе мы не могли бы о нем что-нибудь высказать: мы даже не знали бы, что он присутствует, что он здесь. Да тогда мы даже и не могли бы утверждать того, что мы его видим. Ибо камень и наше видение есть один космический процесс: его очевидность, его явность и наша видимость, наша позиция. Всякий камень имеет свой свет. Этот свет есть сам камень. Всякое бытие имеет характер познания: мир сотверён Логосом. Природа мира есть природа света. Этот свет созерцает первое видение.

ПЕРВОЕ ВИДЕНИЕ

Первое видение человеком не переживается, его просыпают: человек пробуждается во втором видении. Он говорит: Там - мир. Таким образом он полагает: Здесь - я. Разделение, выход из познающего тождества уже произошёл. Следы этого тождества постижимы на опыте. Маленький ребенок не говорит: Там - роза. Самое большое он говорит: Роза. Либо он вообще ничего не говорит, лишь блестят, сияют его глаза.

Первое видение есть совершенное подражание, есть тождество. Жизнь в лоне божества, нераздельность бытия. Воспринимание ещё не отделено от мышления, оба ещё - космическая жизнь, -космическая жизнь сознания. Несобственное сознание. Одно только дыхание, без дышащего, без того, чтобы нечто дышало. Жизнь в исполненной света ожив-

ленности, под древом жизни, в первой любви, которая лучится от Бога и творению и обратно и представляет собой единственный луч, без отражения, без изменения своего первоначального направления. Единое чистое бытие.

Между первым и вторым видением происходит грехопадение. Рождается собственное существо человека, разламывается мир, преломляется первый свет. Пропадает первая любовь.

ЧУВСТВА

Первоначально человек всецело был органом чувств. Первая любовь лучилась сквозь него, она не задерживалась в нем. Он целиком был световым, светоносным организмом. Замутненность в человеке возникла через грехопадение. Один орган сломался — его тело стало непрозрачным: непроницаемым для первой любви. Места, задерживающие некоторое количество космически-созидательных лучей, являются современными органами чувств. Где нет органа чувств, там происходит лучезавеса, человек спит — как прежде. В органах чувств он — бодрствующий. Таким образом органы чувств строят человека: где их нет, там происходит постройка, создание. Органы чувств обуславливают структуру, строение человека. Тело всегда, на всякой ступени есть носитель органов чувств. Поэтому бывает земное и небесное тело. Без тела человек не был бы познающим. Ни на какой ступени бытия — познавания.

Из носителя органов познания может получиться самоцель: тогда органы познания начинают служить телу. В таком случае тело — как орган чувств; здесь человек испытывает, чувствует свое тело обращенными внутрь органами чувств. Его чувствование становится само-чувствованием, становится чем-то почувствованием, вместо того, чтобы быть чувствующим: он чувствует нашего себя, вместо того, чтобы чувствовать мир. Мир: это его тело, на любой ступени, не одно лишь физическое тело, а тело в смысле того, посредством чего для человека открываются предметы окружающего его мира.

ДУХОВНЫЙ МИР

Духовный мир лежит не позади чувственных явлений, но перед чувственным, перед землей. Перед познанным, прежде чем получается познание: в самом познавании. Присутствует пока ещё то, что познание становится познанным: присутствует не земля, а небо. Мы всегда проходим через все пространства: от наивысшего неба до земли. Лишь на земле мы пробуждаемся. Земля есть наше бодрствующее сознание. Во сне,

смерти, в первом видении, в первом мышлении, в первой любви мы удаляемся, погружаемся в небо — на одно мгновение пребывая в смерти, в первом познании. Мы ищем землю, она есть наша основа, где мы можем находить самих себя. Вначале в качестве субъекта по отношению к объекту: затем быть может однажды в качестве того, кто первоначально распознает субъекта и объект. И таким образом нечто скажет: тот, кто распознает, должен быть выше этого различия. Он есть великое в нас. Мы находим его, если мы в состоянии отречься, оставить все, что есть и а ш е: все дела, все знания, все чувства, все отношения к миру, к другим, к нам самим — для того, чтобы появился свободный от чего-либо и неприкрытый завесами владлец, а не его собственность. Для этого мы должны также оставить все, что не есть наша собственность, не есть наше достояние, к чему мы не имеем никакого отношения, но считаем, что это хоть что-то дает. Великое в нас не нуждается в основе, не нуждается в носителе: оно есть фундамент, основание. Поэтому оно может оставаться в видении, не стремясь к видимому. Поэтому оно может останавливаться в мышлении, не стремясь, не поднимаясь к помысленному. Оно может оставаться в духе, на небе: оно не падает на землю. Оно созерцает её. А она раскрывает ему свою собственную сущность, что она есть последняя ступень лестницы, ведущей на небо, поднебесная. То, что выпало свыше: вместе с человеком — от земли оно отлечь не может.

Этим видением, поэтому, земля действительно вновь становится небом.

СВЕТ МИРА

Мы лишь созерцаем землю и видим её. Мы созерцаем её и видим её через бытие познание, благодаря свету. Но вначале наше познание и свет мы не созерцаем и не видим. Наше познание и свет есть единство, так же как мы сами с землей составляем единство. Свет, благодаря которому мы видим, есть свет мира. Во тьме нашей кажется, что он освещает землю. Свет мира есть свет земли.

Земля начинает медленно становиться солнцем, она начинает светиться. Солнце в нас есть наше мышление: оно / мышление / имеет возможность созерцать самое себя, ему не нужно освещение извне, да оно даже и не в состоянии такого иметь.

Солнце снаружи принадлежит земле. Мы думаем сегодня, земля принадлежит солнцу. Это так до тех пор, пока человеку не явится его солнце, его свет: во тьме его. Временно солнце отделено от земли — для того, чтобы человеческой тьме создать пространство — временно.

Тем самым человек имеет пространство, чтобы куда-то посылать свой собственный свет и замечать этот свет, его появление. Тогда он истинно может сказать: я — Есмь есть свет мира.

Свет мира сегодня обитает на земле. Мы видим благодаря этому свету: он окружает землю, он есть земной свет. В этом земном свете обитает Я-Есмь.

СВЕТ И БЫТИЕ

Нетрудно разглядеть, что понятийное, идеальное чувственно воспринимаемым вещам привносится не от человека, даже если это идеальное в человеке входит в явление. Идея "меди" поставлена в отношении к меди не человеком /даже слово человек не-выдумал/, но она есть именно то, что составляет медь, её значение. К чему был бы тогда обращен человек? К меди!

Человек познает от чувственной вещи именно идею. Ту самую идею, которая составляет вещь, её качество: сущностное, которое может встретиться человеку в различных формах своего проявления: он познает его /сущностное/ как "это". Когда человек творит новую идею, которая в случае раздвоения существует вначале как идея, тогда он сам должен придать ей внешнюю форму, заполнить её веществом. Природа состоит из таких идей, которые сами осуществляются: растение, камень не ждут до тех пор, пока они не будут изготовлены человеком.

То, что осуществляет вещь, происходящее, всегда есть идея, независимо от того, сотворена ли она человеком или природой. То, чем познается вещь, созданная ли человеком или природой, есть её идея. Познаваемое есть творческое, созидательное, которое дарует вещам их бытие. Это то самое, благодаря чему они познаются.

Творческое есть исполненная жизни идея. Точно также всегда живо то, благодаря чему вещь познаваема как "это". Универсалии исполнены жизни. Мёртвое понятие, номинализм, возникает лишь в человеке. Но это даёт возможность ему увидеть универсалии. В их мёртвом бытии. Чтобы он познавал собственное присущее живому, чтобы благодаря этой он узрел также присущее живому универсалии. Так воскресает он. Так воскресают они.

ПОБЕДА

Земной мир есть всегда увиденный, повседневный сознанием познаваемый мир: земля. Она есть символ павшего бытия человека, в то же время и символ его возможного воскресения: которое становится воскресением земли, воскресением космоса из этого твердого ядра.

Мир в состоянии побеждать лишь тот, кто победит все свои "отношения", "привязанности" к формам этого мира: кто свободен от всякого приковывания, прилипания к миру, чьё сознание может сохраняться, существовать без этих форм мира. Он может любить мир, т.е. познавать его в его всегда несокрытом истинном облике.

Побеждать мир, означает: созерцать мир перед возникновением его в мёртвом облике, созерцать в его присущем живому в качестве неба. Побеждать мир, означает: созерцать землю на небе и приводить небо в землю. Побеждать мир означает: созерцать землю такой, какова она в духе — уже со времен Голгофы. С тех пор она имеет новый свет. С тех пор она есть восходящее, точнее зажжённое солнце.

"Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир". /Ин.16,33/ — "Ибо всякий рожденный от Бога, побеждает мир: и сия есть победа, победившая мир, вера наша". /I Ин. 5,4/.

Достигать веры и побеждать мир: это одна и та же победа.